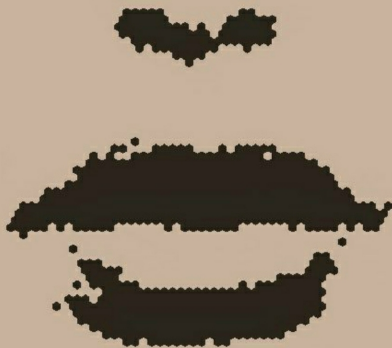

АНТОН СИБИРЯКОВ

В ПОИСКАХ ЛЮБВИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Антон Сибиряков

В поисках любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61912281

SelfPub; 2020

Аннотация

Всё в мире происходит ради любви.

В лабиринтах провинциального городка, так легко потеряться. И так легко встретить свою смерть. Где-то там, в глубинах города, орудует страшный маньяк, убивающий проституток. И где-то там же – следователь милиции идет по его кровавому следу. А еще, в этом городе живет милая девушка, приехавшая поступать в архитектурный. Судьбы этих героев, как и судьбы всего остального города, тесно переплетутся за время повествования и изменят этот мир навсегда. Мир, в котором так легко потеряться. Мир, в котором все происходит ради любви.

Это психологический триллер и мистическая драма. Это ребус. И это загадка. “В поисках любви” – это кровавый кубик Рубика, который вам предстоит собрать.

Содержит нецензурную брань.

“То, что делается ради любви, происходит вне сферы добра и зла”

Ницше «По ту сторону добра и зла»

Часть 1. Странная смерть странной девушки

Я перешагиваю через разбитый табурет, вглядываясь в ее лицо. В ту бледность, что она оставила после себя. Мертвые глаза, подернутые сеткой лопнувших капилляров – распахнуты. В них до сих пор дрожит дикая боль. Сломанный нос, сколотые зубы, губы, измазанные засохшей кровью... ее лицо. Странная восковая маска, не имеющая общности с жизнью, слившаяся с серостью дня. Она здесь.

И я смотрю.

Возле ее истерзанного тела копошатся люди. Погоны и серые куртки, с красными полосками на рукавах. Падальщики, слетевшиеся на пир. И я – один из них. Гонимый запахом крови, вонью смерти... я тоже насыщаюсь чужой болью. Вдыхаю ее зловоние.

Вспышки фотоаппаратов слепят, чьи-то руки расставляют желтые таблички с цифрами. Вокруг нее. А она лежит на полу, у раскрошившегося от времени плитуса, холодная, как камень и смотрит. Пустыми, лишенными разума глазами. Ее русые волосы испачканы темной вязкостью. Она смотрит.

Делаю шаг к ней. Под подошвами хрустит битое стекло – как кости. По телу бежит предательская дрожь – всего лишь

холод нынешней осени.

Сильная рука ложится мне на плечо.

– Постой. Здесь еще не все готово.

Киваю. Не человеку, голосу. Лиц в этом месте больше нет.

Кроме нее.

– Шлюху замочили, мать ее так...

Слышу другой голос. Ему мерзко, он отплевывается, дышит через нос. А я снова возвращаюсь к ней. К ее рукам.

Тонкие бледные запястья не тронуты. Следы от веревок выше, у локтей. Мучитель любил ее руки, держался за них. Вижу плывущие синяки на предплечьях. Никаких кровоподтеков, никаких ссадин. Только фиолетовые отпечатки пальцев.

– Серия?

Кто-то делает предположение. Строит пирамиду из догадок, как малыш из пластиковых кубиков. Она непременно упадет. Всегда падает.

На мертвой девушке почти нет одежды. Вижу ее грудь. Но не задерживаю взгляда – она изувечена. Темная от крови, бывшая когда-то объектом похоти, она превращается в уродство, от которого тянет блевать. Странно, но при этом я думаю о еде. О том, что скоро время обеда. Наручные часы подтверждают это и смеются. Они знают цену этому тягучему дню. В желудке опять ворочается моя подруга – голодная пустота.

«Гастриты часто заканчиваются язвой...»

Слова, вросшие в белые стены больниц. Везде одно и то же. Просто слова. Разные голоса, разные лица, кровь на рукавах халатов и только слова никогда не меняются. Только они – единственная правда из многих.

Закрываю глаза, возвращаясь к реальности. Открываю их и снова вижу ее лицо. Оно не знает времени, точно портрет великого мастера. Его последняя работа, отданная эпохе. Красная серость.

Мой взгляд скользит по ее ногам. Длинные и красивые, они особенно жестоко истерзаны. Некоторые из ран гноятся.

Кожу протыкали чем-то.

Возможно крюками, что лежат в подвале.

Коленные чашечки сломаны. Следы от звеньев цепей, темной полосой змеятся по голениям и бедрам. У этой боли не было границ. Она, как крученая морская раковина, заканчивалась там, где брала начало. И повторялась снова и снова, замыкаясь в бесконечный знак.

Знак его любви.

Достаю сигарету. Курю, отвернувшись от ее глаз. Она видит меня. Все равно видит. Страшная растерзанная кукла, манекен, набитый внутренностями. Но не человек. Ни тогда, ни сейчас. Ни для нас, и ни для него. А значит, сегодня снова будет проще заснуть.

Сны не снятся. Только тьма. И иногда они, их мертвые лица.

Дым рвет горло, но я тяну его еще глубже, еще сильнеей.

Мне нужна его нежность. Его, такая знакомая мне, любовь.

Осматриваюсь. Глаза цепляются за каждую деталь, но соскальзывают, не находя нужных ответов. Убогий дом, похожий на декорацию из кино. Кривые стены из сруба. Пожелтевший потолок, оббитый фанерой. Плетеный стул в углу и колченогий столик там же, точно ждущий своей очереди в туалет. Неуместные ржавые гвозди в стене. И странные окна... я поднимаю голову. Да. Два невымытых окна под самым потолком. Надежда на угасающий свет.

Пускаю дым из носа. Как всегда, из правой ноздри – левая почти не дышит, сломанная в детстве перегородка срослась так, как было угодно случаю. Мы были безрассудными детьми тогда, перед нами лежал весь мир. Переломов, в те чистые времена, никто не считал. Это была дань знаниям. Жертва на кровавый алтарь взросления.

Я думаю о ней. О том, что она тоже заплатила свою цену. Вспоминаю ее руки, изуродованную грудь, разбитое лицо. Поворачиваюсь и понимаю, что она еще почти ребенок! Дитя, познающее мир, маленькая девочка, готовая на все ради любви... к алтарям взросления.

Жертвоприношение. Я знаю. Тут случилось именно оно. Не для записей в отчетах. Для меня. Лично.

– Бедная девочка... – шепчу так тихо, чтобы никто не услышал. – Бедный ребенок.

Зачем они думают о ней?

Гляжу на кружащих вокруг тела людей. Докуриваю и чув-

ствую слезы в горле. Гадкий комок, давящий грудь, злой и горький на вкус.

Я верю глазам. Я знаю, что этой девочке никогда не уделяли столько внимания, сколько сейчас. И думаю о том, что она всегда искала именно этого. Не похоти! Не проникновенный десяток мужчин! А их внимание. Сотую долю их настоящей любви. Но получила только эти лица.

Ее рот приоткрыт. Нет. Не улыбается. Кричит от боли. До сих пор, после смерти, все равно кричит.

И вдруг я понимаю, что жду, когда меня пустят к ней. Я хочу этого больше всего на свете. Взять ее за руку, сказать ей, что все кончилось. Быть для нее кем-то родным сейчас, в эти страшные минуты темного одиночества.

Она смотрит. Я не отвожу глаз.

И, наконец, мне разрешают подойти.

Присаживаюсь на корточки, около нее. Запах крови вползает в ноздри. Мне чудятся осклизлые щупальца осьминогов – тварей, которых я боюсь больше всего на свете. И поэтому так часто покупаю их себе в пищу. Прожевываю, уничтожаю этот неприятный, подлый страх. Каждый вечер, напротив китайского ресторана, в полном одиночестве. Так же, как она.

Кисти ее рук. Теперь я вижу. Тыльные стороны ладоней. Без единой царапины. Тонкие длинные пальцы с хорошим маникюром. Ногти сломаны. Почти все. Она сломала их, когда осознала, что ее будут убивать. Когда защищалась.

Беру ее за руку. Холодная. Переворачиваю ладонью вверх – содранные мозоли. Белая отмершая кожа. Признак поисков любви.

Перед глазами плывут картины ее возможного прошлого. Множество мужчин, сзади. И она, беспрекословно встающая на колени, в глубокий партер. Руки, упирающиеся в жесткий пол. И грязная, проникающая любовь... Физическое удовлетворение потребностей. Без нежности и тепла.

– Я с тобой, не бойся, – шепчу это ее глазам. Тону в замерзших зеленых океанах. И, кажется, сам превращаюсь в глыбу бесчувственного льда.

– Антон!

Мое имя, закованное в чей-то голос. Совсем рядом и так далеко, что не хочется отвечать. Хочется быть только с ней.

– Антон!

Они не оставят нас. Желудок сворачивается от боли. Оборачиваюсь.

– Привет!

Черствая улыбка на каменном лице. Синяя форма и гордые от собственной величины погоны. Выпускаю мертвую ладонь и поднимаюсь навстречу этим обветренным губам. Хочу ударить в них, но всего лишь пожимаю крепкую руку. Никому здесь не позволено улыбаться! Это место великой скорби.

Нет во мне силы слушать этот голос, рассказывающий о смертях так, будто все чувства в мире исчезли, обратившись

в мертвые горы. Я не могу понять его, не силюсь разобраться в сказанном. Все мои мысли с ней. Я отпустил ее руку...

– Вчера псих один убил и изнасиловал собственную дочь...

Кишки скручиваются в узлы. Сжимаю челюсти, переживая боль.

– Забаррикадировался в квартире и принялся отстреливаться...

Он говорит и говорит. Не останавливаясь. Буднично, точно за кружкой чая.

«...заканчиваются язвами...»

Хочу уйти. Но не могу.

– ...чертов город!..

Я киваю. Да. Это правда.

– Мне нужно работать, – слышу свой голос. Не могу оторвать взгляда от обветренных губ. Ненавижу их за ту, единственную улыбку.

– Конечно...

Стараюсь быть вежливым, но вижу белые, искусственные зубы и отворачиваюсь. Когда-нибудь все это сломает меня. Но не сейчас.

– Да, Антон...

Голос что-то забыл, увлекшись страшными рассказами. То, что принес для меня.

– Да?

– Ее личность уже установлена.

Жду. Чувствую, как чудовище, стоящее позади, расплывается в ухмылке. И пробует ее имя на вкус.

– Оксана...

Не слышу фамилии.

– 22 года...

Касаюсь дрожащими пальцами лба – совсем ребенок.

– Родители приедут завтра. Она не местная, училась здесь...

Это не мое дело. Все, что нужно, я уже услышал. Ее имя. Ее цифры.

– И что им не живется, Антон? Я вот...

– Спасибо! – эта резкость необходима. Иначе он не останется.

Губы недовольно чмокают. Желание ударить по ним возрастает внутри колючим сорняком, разрывающим грудь. Но все прекращается. Голос смолкает, и я снова возвращаюсь к ней.

– Оксана... – слово, потерявшее вес.

Провожу рукой по ее волосам. Они липнут к пальцам, оставляя на коже красную вязь.

– Это только начало, Оксана.

Ее боль не прекратит расти. Она перекинется, словно пожар, на всех, кто смел стоять рядом, кто думал, что сможет подарить ей любовь. На старых родителей, забывших о дочери, на братьев и сестер, утопающих в глупых проблемах, на влюбленных в ее детскую красоту мальчуганов. Этот огонь

будет сжирать их всех, выжигая изнутри. Он превратит черные волосы и голубые глаза в пепел, который навсегда осядет в сердцах. И все с этого момента станет по-другому.

Я знаю это. Я видел.

Последний раз заглядываю к ней в глаза. Прощаюсь. Они смотрят на меня. Все так же смотрят.

– Я не могу тебе ничего обещать.

Поиски убийцы будут тяжелыми.

Осторожно, чуть касаясь пальцами, опускаю ее измученные веки. И, кажется, вижу слезы в уголках зеленых глаз.

– Прощай.

Это так страшно, когда мертвые плачут.

Подзываю санитаров. Они раскладывают грязные носилки, пропитанные кровью. Перекладывают тело на них и уносят прочь, в холодное осеннее утро, сливаясь с ним, точно призраки предстоящей зимы.

Под ногами, на полу – красные, вязкие лужи. Все, что осталось. Ужасная, ненужная память о ее бледном лице. Вокруг. Всюду.

Желудок снова крутит. Слабость разливается по организму, выжимая боль к заду. Колени пытаются согнуться, но я терплю, мне нельзя иначе.

Таблетки остались дома, но и они уже перестали помогать. Гастрит мутировал, приспособившись к ним, как нечто неопределенное, как поселившийся во мне разумный паразит.

«Эрозия толстой кишки»

Последний диагноз белого халата. Первый шаг к дыре в кишечнике.

– Антон... ты как? – Голос удивлен. Глупый голос думает, что я сломался.

Разворачиваюсь к нему на каблуках. На лице моем горит сумасшедшая улыбка:

– В полном порядке.

Банальная фраза. Ей не верят даже дети.

– Ты побледнел...

– Я в порядке. Это гастрит.

– Точно?

Развожу руками. Боль внутри становится невыносимой, такой, что хочется выть. Но я улыбаюсь. Темные глаза, наконец, выпускают меня из своих объятий, так и не выискав лжи.

– Был у врача? – Лишний вопрос. Дань уважения собственным погонам.

– Да, я лечусь.

Снова взгляд ищет во мне ложь. Но не находит.

– Не запускай, это дело такое...

«Когда вы последний раз проходили обследование?»

Вопрос всплывает в памяти, как разложившийся утопленник.

«Я не помню»

Теперь улыбаюсь неподдельно. Глазами. Боль уходит. Рас-

цепляю челюсти. И только кислая слюна все еще скапливается под языком.

– Что-нибудь нашел?

Пожимаю плечами, не понимая вопроса. Что может быть в пустой коробке с красивым, пышным бантом? Нет, я ничего не нашел. Только коробку.

Входная дверь неожиданно хлопает и все подпрыгивают. Просто ветер. На улице сегодня настоящая осень – золотая буря.

Нужно спуститься вниз, в подвал этого странного, картинного дома, по скрипучим пыльным ступеням. В полумрак чистилища. Туда, где убивали людей.

Понимаю, что до сих пор улыбаюсь. И все глаза смотрят на меня, в недоумении. Думают, что я свихнулся. Жаждут этого.

Стираю улыбку с лица, превращая его в каменное изваяние. Глотаю противные слюни. Это место великой скорби, я не должен был забывать.

Опускаю голову, направляясь к лестнице в подвал. Вижу красные полосы на деревянном полу. Они, словно адские указатели, ведут мое тело в темный мир бесконечной боли. И я шагаю туда, не в силах остановиться, сжимая крепко, между ладоней, цветастую коробку с ярким бантом. Именно там, внизу, я сумею ее наполнить так, что хватит всем. Так, что все будут блевать! Потому что не привыкли видеть такое! Потому что никогда не копали эту мерзость так глубоко!

ко, как я.

Ступени скрипят. Умоляют остановиться. Не слушаю их, опускаясь все глубже во мрак.

Тут тоже голоса. Я слышу женщину, узнаю ее. Но вижу лишь тени. Людей здесь по-прежнему нет.

– Антон!

Они приветствуют меня в унисон. Поднимаю руку.

Тусклый свет от грязной лампочки, висящей под потолком, льется вниз, как моча. Он, то и дело, мигает, предсказывая свою скорую кончину. Я погружаюсь в его мутные воды, ощущая физически, как он вливается ко мне в рот, вяжет язык, обволакивает зубы. В мерцающей серости, среди безликих теней, передо мной раскрывается вся ужасная правда этих стен. И я понимаю ее, смотрю, не в силах оторваться.

Посреди подвала стоит пыточный столб. Черный, вымокший от крови. Но до сих пор голодный и жаждущий. Ржавые крюки, вбитые в него под разными углами, шипят и извиваются, будто мерзкие щупальца подводной твари. Тянутся к новой жертве.

Рядом, будто верный пес, стоит железный хирургический столик, измазанный кровью. На нем все, что нужно для разделки людского мяса. Скальпель, пила, топорик и стальные, заточенные до блеска, крюки. Они, как вопросительные знаки в конце предложения. Почему он так любит их?

Первая зацепка.

Остальной инструмент, похоже, был просто устрашением.

Неким фоном, от которого у пленницы темнело в глазах. Его величием над ней.

Из-под столика торчит кожаная ручка плети. Рядом валяются скомканные резиновые перчатки.

Кто-то подходит ко мне. Долго молчит, и я не выдерживаю:

– Что?!

Призрак исчезает. Оглядываюсь по сторонам. Никого.

– Антон? – Голоса. Я им не верю. – Ты в порядке?

Женский голос думает, что имеет право спрашивать. Из-за той ночи. И пока я раздумываю над ответом, раздается стук каблуков – она идет ко мне.

– Да, я... – слишком поздно.

Натягиваю сумасшедшую улыбку. Но ее это не страшит. Она рядом.

– Ты плохо выглядишь...

Что-то касается моих волос. Убирает, упавшую на глаза, челку, касается лба. Мне кажется, это Оксана, потому что прикосновения безумно холодные...

– Желудок...

– Не звонишь совсем... – она не слушает. Верит только своим словам. Тени не умеют любить. Просто им всегда нужен кто-то, чтобы существовать.

– Не здесь...

Я даю ей надежду. И на миг ее лицо вспыхивает передо мной, точно пламя. Но тут же гаснет.

– Поужинаем?

Чувствую ее тоску. Ее одиночество в пустой, съемной квартире:

– Да.

И снова лицо. Грустное и красивое. Передо мной.

Молчание затягивается. Она не уходит, стоит и чего-то ждет.

– Есть что-нибудь интересное?

– Все по-прежнему...

Она не понимает вопроса. Я спрашиваю про подвал. Не про нее. Хочу обратиться к ней по имени, но не могу вспомнить, как ее зовут. И от этого мне становится не по себе.

– Что-нибудь интересное... здесь.

– А, прости... – смеется. Глупо и неестественно. – Только начали, пока ничего...

– Плеть... – в горле саднит. Откашливаюсь. – Плеть под столиком.

– Не надейся на отпечатки...

– Хочу видеть, что она из себя представляет.

– Зачем?

– Ты достанешь?

Она уже натягивает перчатки. Резина противно скрипит.

– Сейчас...

Отхожу в сторону, давая ей простор. Рука осторожно вытаскивает плетку. Железные наконечники, на концах кожаных лент, звенят, будто колокольчики.

– Ух, ты... Адская игрушка. Антон?

Он бил ее по ногам. Хлестал изо всей силы, получая наслаждение. Но это не крюки. Не то, что по-настоящему его заводило.

– Хорошо. Нужно найти цепь.

Рука держит плетку двумя пальцами:

– Цепь?

Достаю сигарету:

– Да. Цепью он сломал ей колени.

Щелкаю зажигалкой. Дым заполняет легкие.

– Так и не бросил? – ненужные вопросы. Кончик сигареты обращается в пепел.

– Ищите цепь.

Плетка уплывает в сторону. Каблуки удаляются. Мы должны найти здесь хоть что-то. Разрыть эту выгребную яму до самого дна. Это наша работа! Наш долг!

У стены, по правую от меня руку, стоит железная клетка. Небольшая, в половину человеческого роста. Дверца распихнута. Ржавые трубы и косые швы с нагаром, дают понять, что убийца делал ее сам. Неумело, и значит, мог пораниться. Но как давно это было? У меня нет ответов.

Здесь он держал ее.

Подхожу к уродливой тюрьме. Одна из труб исцарапана чем-то металлическим. Ее словно бы неустанно скоблили. Вижу рыжую пыль на полу и спустя всего миг, загадка разламывается перед моим натиском, как гнилой пень.

Наручники! К ее ноге, потому что руки в ней он любил больше всего. Ни капли свободы! Даже внутри этого убогого железного ящика – как животное, как самое ничтожное существо на земле. Он хотел, чтобы она чувствовала себя таковой. И она чувствовала. Именно этими прутьями, этими кандалами, он сломал ее окончательно, заставил верить в свое величие.

Так тихо. Здесь никогда не было так тихо, как сейчас. Ее крики, его смех, удары, плач, мольбы о пощаде... что-то... всегда. И только теперь так тихо, как не бывает даже на кладбище будним промозглым днем. Мертвая тишина.

Мне нужно знать, сколько он пытал ее. Сколько боли вынесло ее тело. И почему мы так долго искали ее.

Все, что нужно сейчас.

Задаю эти вопросы теньям, всем сразу, потому как не помню имен. Знаю, что ответит женщина, но все же надеюсь... Тщетно.

– Тебе не сказали?

Чертовски медленно. Я не хочу разговаривать с ней. Просто услышать ответы:

– О чем?

– Ее никто не искал.

Смотрю в недоумении. На пыточный столб, отсыревший от крови, на ржавые крюки... Ее никто не искал... Как же так?

Голос продолжает рассказывать. Монотонно, в нос. А я

все не могу понять, почему же те, первые слова, такие страшные? И в полном, отчаянном ужасе до меня доходит, что я не знаю, кому же все-таки принадлежало бледное лицо?.. Проститутке? Ребенку? Человеку?

—... ранам на вид около двух недель...

Ее родители – завтра. Морг, холод, бледность. Должен ли я им хоть что-то?

—...простая случайность. Анонимный звонок. Может и убийца сам...

Оксана. До сих пор что-то живое. В этом имени. А значит, я должен. Не лживым слезам. Ей.

Я редко хожу на похороны, мне хватает смертей на работе. Я не люблю долгие прощания у холодных, черных гробов. Но это, не тот случай. Я хочу увидеть ее такой, какой она была. Обычной девушкой, которая идет мимо, не оставляя следа. Которая исчезает из памяти, как только я встречаю следующую, подобную ей. Проститься с ней такой, я желаю больше, чем вечно помнить этот подвал, эту кровь и зеленые, полные боли глаза. А значит, я буду там. И вдруг, стану самым близким из пришедших. Тем единственным, кто ее искал.

Кто-то спускается по ступеням. Смотрю в удивлении – ничего, кроме солдатских ботинок. Даже не тень – нечто, не имеющее названия. Пустота, обретшая голос.

– Антон Владимирович!/? Кто тут из вас Антон Владимирович Сиб...

– Я, – поднимаю руку, обрывая пришельца. – Это я. Что

произошло?

– Установили владельца дома. Прокурорский просит подняться.

– Я не поднимусь.

Больше мне сказать нечего. Но ботинки не уходят. Стоят на предпоследней ступеньке. В кишки возвращается пульсация, как предзнаменование нового приступа. Когда нервничаю, они случаются чаще.

– Так и сказать? – Голос совсем юн. Неопытен. Он еще верит в божество в синем костюме, и боится кары.

– Так и скажи! Мы работаем! – женщина уверена, что имеет право защищать меня. Но от ее слов, действительно, становится легче. Думается, будто я могу любить. Словно... готов?

Любовь. Что она есть? Этот подвал? Остывшее, изуродованное тело? Грязное удовлетворение похоти? Что? Вопросы. Крюки. К какой любви готово мое сердце?

Ступени натужно скрипят под тяжестью ботинок. Все выше и дальше. И наконец, смолкают.

– Спасибо, – я искренне благодарен.

– А следовало бы подняться.

Пожимаю плечами. Может и так, но боги всегда сходят к людям, когда это необходимо. Так и люди ищут червей. Нужно только дождаться понимания. А ждать я умею лучше всего.

– Осмотрите клетку...

– Хо-хо! – Голос из серого угла, где-то за моей спиной. И тут же глухой стук тяжелого металла о деревянный пол. – Мерзость! Что это за дрянь?..

Они нашли цепь. И что-то еще.

Разворачиваюсь к голосам – вижу две черные тени у стены. И снова, мне кажется, будто кто-то смотрит на меня, пристально и осуждающе. Кто-то пятый. Тот, кого здесь быть не должно.

Оксана?

На полу лежит массивная цепь, похожая на змею. Подхожу ближе. Присаживаюсь, рассматривая крупные кольца. Нет. Цепь не та. На последних звеньях засохшие бурые пятна. И то, что напугало моего коллегу – клочок волос с осколками черепа.

Сломанные колени тут не при чем. Еще чья-то жизнь. Смотрю на русый локон, прилипший к последнему звену. Не делаю предположений, знаю – он принадлежит девушке. Такой же, как Оксана. Одной из многих.

– Антон, а разве та девушка...

– Нет!

Оглядываюсь на испуганный женский голос. Ей страшно. Она впервые понимает, что все это не игра. Что все мы стоим сейчас на костях, внутри ужасного места, пропитанного болью и страхом. Падальщики, слетевшиеся на пир, угощения на котором вдруг оказались чересчур кровавыми. И горькими.

Мне хочется ее приободрить, но вместо этого я говорю ей правду:

– Ее не били по голове...

Лера. Имя приходит само собой. Эту напуганную женщину зовут Лера!

– Лера.

И снова, страшная правда:

– Здесь убили кого-то еще.

Стервятники уже кружат над цепью, собирая улики. От их стыдливого испуга не осталось и следа.

– Страшно, – шелест ее губ.

Господи, а ведь она права! Убийца может быть еще в доме!

Тянусь к кобуре. Нет, нет... чушь! Отдергиваю руку. Мы слишком близко подошли к черте. Нужно сделать шаг назад. Всего один и станет легче.

Дышу. Глубоко. Паника отступает и только озноб все еще щекочет затылок.

Ступени снова скрипят. Боги сходят на землю.

Синий костюм всплывает в подвал – вальяжно, сунув пухлые руки в карманы. Выказывает мне дрянное почтение. Я не поднимаюсь. Делаю вид, что изучаю цепь.

– К владельцу дома уже выехал наряд. Все кончено.

Упрек в мою сторону тоном победителя.

– Ничего не кончено, – Говорю тихо, но он слышит.

– Прости?..

– Это все... – небрежно вскидываю руку, обводя пыточ-

ную комнату, — ... дело рук умного сукиного сына. А поэтому — ничего не кончено.

Он усмехается. Обветренными губами. Источает уверенность:

— Не делай из него героя. Он простой психопат. Мы возьмем его и завтра же он расколется!

Дай-то Бог. Я больше остальных желаю, чтобы все кончилось именно так.

— Что это?! — Он, наконец, замечает предмет моих лживых исследований. Тени молчат, говорю снова я.

— Орудие еще одного убийства.

— Постой... что?

Истинный масштаб мозаики не известен даже мне. Только два паззла. Но сколько их в действительности? Пять, десять, пятнадцать?

— Посмотри вокруг. Что ты видишь?

Он молчит, потупив взор. Вся эта мерзость не для него. Для червей. Для нас.

Поднимаюсь:

— Может, я скажу, что вижу?! Цех! Разделочный цех!..

— Антон...

Я не остановлюсь. Я скажу ему правду.

— Никогда такие места не строятся ради одной жертвы! Этот ублюдок мог приволоочь ее домой и пристегнуть к батарее, насиловать и издеваться, но нет... он привез ее сюда! А знаешь, почему?! Потому что у него есть это место! Он

строил его специально для своих поганых игрищ! Психопат, говоришь?! Возможно! Но расчетливый и ненасытный! Умный! Не герой, Боже упаси! Просто та мразь, которую нельзя недооценивать!

От обилия слов рот наполняется слюнями, похожими на бешеную пену. Сглатываю, но не вижу ни одной фразы, брошенной впустую. Никто не произносит и звука, а значит – я прав.

Когда-то давно, в другой жизни, мы были молодыми. Нас страстно учили верить в темную сторону мира, но мы не желали прислушиваться. Даже в темноте, думалось нам, всегда горят фонари. Те спасительные островки света, что указывают дорогу. Преподаватели в выглаженной форме, с блестящими на плечах звездами, уверяли нас, веселых и безрассудных, что тот мир, в котором теперь нам предстояло жить – гнусный и лживый червь, копошащийся во тьме. Мы отказывались верить. В наших сердцах искрилось, не погасшее еще, детство. Когда мы поняли их правоту? Со смертью первого из нас? Или когда увидели тьму без единого лучика солнца? Я не знаю. Но и сейчас я не вижу света.

– Буду надеяться, что ты не прав.

Он уходит. А я смотрю ему в спину и киваю. Я тоже буду надеяться.

Чертовы ступени снова жалобно скрипят. Становится не по себе и слабая пустота вновь заполняет желудок. Хочется в туалет, но я еще не закончил здесь. Цветастая коробка до

сих пор пуста.

Я открываю ее, вдыхаю ароматы сладких духов:

Кем ты была? Зачем стремилась к такому ужасному концу? Почему так упорно искала любовь, которой нет?

Бережно кладу на тонкое, картонное дно все, что смогу отыскать во тьме.

Веревки, которыми он связывал ей руки, нет. Это его трофей с каждой жертвы. Их часть, оставшаяся с ним. Ни лица, ни руки, ни имена. Убогие куски жесткого каната. Только они.

Теперь всё. Нужно выбираться отсюда. Даже таким как я, такие места иногда причиняют боль.

– Ищите любые зацепки, все, что можно придать анализу. Я ухожу.

Отвечает женщина. Снова. Как голос моей судьбы, зовущий остаться:

– Мы не подведем, ты же знаешь, – и вопрос. – Ты куда?

Она боится. Выдумывает, будто я сбегая от нее, и цепляет меня последним словом, его железным крючком на конце. Глаза смотрят испуганно. Их озера наполняются прозрачной обидой. Наверное, я обязан сказать ей...

– В девять, – гляжу на смеющиеся часы. Секундная стрелка ускоряет бег. – У китайского ресторана. Найдешь?

Кивает. Я не вижу – чувствую это. Найдет, на то она и ищейка.

– Хорошо.

Направляюсь к ступеням.

– До вечера, – слова в спину, как острые ножи.

Лестница – мерзкая скрипучая тварь. Поднимаюсь по ней на первый этаж. Кровь на дощатом полу ведет меня обратно, той же дорогой. К голосам. К вспышкам фотоаппаратов. К желтым номерным табличкам.

– Антон, подойди, – иду на голос, как верный, потерявший зрение, пес. – Ее адрес.

Пухлая рука протягивает мне вырванный из блокнота листок. Заталкиваю его в карман, киваю, благодарю. Желая уйти... но стальные крюки вопросов вновь пронзают мою плоть. Держат крепко.

– Ты поедешь туда?

– Да.

– Как скоро?

– Сейчас.

– Хозяйка квартиры будет через час, с ключами...

Достаю листок с адресом. Часа мне будет достаточно. Собираюсь уйти, но голос синего костюма снова вонзает в меня крюк.

– Что случилось с миром, Антон?

И я говорю, пожимая плечами:

– А что с ним случилось? Все та же тьма...

Ухожу. И у самой двери, когда я касаюсь пальцами ее стеклянной ручки, у кого-то звонит сотовый телефон. Громко, разрывая скопившуюся в сером доме тишину. Застываю на

пороге, слушая разговор.

– Да?! – синий костюм кричит в трубку. Я сжимаю кулаки в ожидании. Он молчит, слушает. Но даже до меня долетает жужжащий голос из трубки. На квартире, куда выехал наряд, нашли труп. – Кто это?! Кто это?! Кто?! – и потом сразу тусклым голосом, – не может быть... Ждите меня.

Пухлый палец нажимает на кнопку сброса – Клавиша щелкает, и я оглядываюсь. Вижу поникшие плечи. Значит, поиски убийцы будут долгими.

– Нашли труп хозяина этого дома. С выпотрошенным горлом, у себя в квартире...

Я выхожу за дверь. Закуриваю, вдыхаю свежий осенний воздух и становится легче. С деревьев сыпется золото. Ветер подхватывает его и кружит в неповторимом вальсе, подобия которому нет на самой земле. Вся округа горит в ярком огне наступившей поры. Листья падают на машины, на землю, на людей. Осень погребает под своим драгоценным ковром все окрест, даря, точно обезумевший миллиардер, неисчислимые богатства каждому прохожему. А сырые, вымокшие от дождя тучи, висят так низко над головой, что я боюсь их задеть. Спускаюсь с крыльца и иду к ближайшей патрульной машине. Волосы треплет ветер. Я дергаю ручку, дверь открывается – заглядываю в салон. Пусто.

Мокрая земля позади машин исполосована колеями, будто шрамами. Сигарета мгновенно превращается в кривой пепел. Затягиваюсь, обжигая пальцы, и бросаю истлевший

фильтр под ноги. Сплевываю горечь.

В замке зажигания ключи. Брелок в виде Спончбоба медленно раскачивается в стороны, как маятник. Как вечный счетовод убегающего сквозь пальцы, времени.

Желание сесть за руль самому становится невыносимым. Давлю его ногами, выбивая черную, подлую гниль из-под подошв. У меня нет больше прав садиться в водительское кресло. Это случилось три года назад. Но я все еще помню белую, тонкую руку, выглядывающую из-под колес. И кровавые змейки, бегущие по коже.

– Подвезти?

Вздрагиваю. Боже...

– Да.

Кутаюсь в пальто. Не смотрю на водителя. Только раз. Вижу морщинки в уголках его глаз и успокаиваюсь. Иногда мне страшно в машинах, но не сейчас.

Усаживаюсь на пассажирское сидение и выуживаю из кармана листок с адресом. Водитель кивает и поворачивает ключ. Двигатель гудит. Ручка скоростей, педали. Дом уплывает в сторону, высвобождая из плена свинцовое небо и золотой осенний дождь.

Быть может, думается мне, именно в таком месте и принято встречать старость? И я улыбаюсь правоте этих дум. Да. На закате дней я вернусь в это место, буду сидеть в кресле, на широком крыльце, укутанный в плед, и наблюдать, как заходит солнце. Как оно тонет в плавящемся от багряного жара

горизонте.

В желудке вспыхивает боль. Грызет мои кишки до крови. Часы смеются. Закрываю глаза, откидываясь на спинку.

“Ничего не будет” – шепот черных губ. Это мир, отравленный и темный, говорит со мной так. Так заставляет слушать себя. Болью, слезами, муками.

Ничего не будет. Ни домика, ни заката, ни пледа. Ты даже не вспомнишь об этом, когда где-нибудь в переулке будешь подыхать от случайного ножа. И только смотреть и смотреть на свою измазанную кровью ладонь. Все, что ты сможешь.

Эта правда – одна из многих. Горячий песок времени. Что несут мне его бури?

Опускаю вниз скрипучее стекло. Закуриваю. Машину трясет на ухабах и рытвинах. Из-под колес брызжет грязь.

Столько смертей... Боже, я видел столько смертей, что перестал их замечать. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю это. Дети, женщины, старики. Их мертвые лица – груда кукольных масок. И только одно из них – человек. Оксана.

– Я освобожу тебя... – шепот превращается в табачный дым.

Я знаю. Если я остановлю убийцу, то стану свободен. Вновь смогу чувствовать. Видеть. Слышать. Любить.

– Приятель, у тебя кровь...

Водитель. Выныриваю из страшных видений.

– Что?

– Кровь... – он поворачивает зеркальце ко мне.

Из носа течет темная струйка. Слизываю красную соль с губы:

– Черт.

Запрокидываю голову. Водитель тянет мне бумажный платок.

– На вот...

– Ага... Спасибо.

В висках стучит. Утираюсь и бросаю кровавый комок за окно.

«Иногда это может выражаться в головных болях и кровотечениях...»

Чистые, вымытые руки врача возникают в памяти. Он говорил со мной в тот раз, как с ребенком. Боясь напугать. Но ему и не ведалось, сколько ужасов видели мои седые глаза. Я мог бы рассказать ему, но не стал тогда обрывать этого милого человека. В тот единственный миг, я любил его, словно отца.

«...в основном, из носа. Особенно это возможно в периоды обострений, которые обычно случаются...»

Мама не любила вспоминать папу. Он ушел рано, когда мне не было и пяти. Куда, я не знал. И только его фотография в рамке, как нечто вечное, тяжелой тишиной давило на наши плечи. Мы помнили его таким, каким он был здесь, в нецветном прямоугольнике застывшего времени. В военной форме с медалями. Гордый и печальный.

«...во времена смены сезонов. Тогда возможна и нежи-

данная, высокая температура тела...»

Тогда я ненавидел отца за то, что он ушел. За то, что оставил мне в горькую память только исцарапанный снимок. Я проклинал его... за маму. За то, что ей так тяжело одной. И за темные пятна слез, вырастающие за ночь на ее подушке.

Тогда я еще не знал, что он геройски погиб в чужих и далеких горах, под палящим солнцем средней Азии. Его обугленное тело так и не смогли вытащить из лап боевиков.

– Полегчало? – Снова водитель. Он выкручивает баранку влево, и машина выезжает, наконец, на асфальтированную дорогу.

– Да... да.

Опустевший дачный поселок остается позади. Когда мы ехали сюда, я подумал, что это место не так уж далеко от города. А искореженный дорожный знак, только подтвердил мою правоту. 30 км. Сейчас – между сотнями людей и серой пустотой. Так мало... между тьмой и светом. И все равно, безумно далеко для наших ослепших глаз. Мы не увидели. Не помогли.

Сколько он убил в этом подвале? Снова и снова, один и тот же вопрос. Изучая убийц, я понял одну вещь, совершенно с ними не связанную. В нашем мире очень легко пропасть. Исчезнуть с лица земли, не оставив и следа. Кем бы ты ни был, сколько бы ищеек ни купили твои родные. Мир все равно не перестанет вращаться. И вскоре все забудут о тебе, а ищейки направят свой чуткий нюх на поиски кого-то

другого... Изучая убийц, я осознал, насколько тонка та нить, по которой идет каждый из нас.

Шорох колес. Яркие краски за окном, сливающиеся в разноцветную мешанину.

“Кто он?” – пожимаю плечами.

Он человек. Ответ приходит из глубины. Пытаюсь разглядеть во тьме лицо, говорящее со мной... Лишь бездна.

Да. Он человек. И он думает, мыслит, желает. А значит – его играм не будет конца. Значит, я должен его остановить.

Еще в школе я знал одного недоразвитого парня, который считал, что не он, но все мы – сошли с ума. Что это мы – безумцы. И ведь он, действительно, верил в это. Был готов на все ради своей правды. Всего лишь беспомощный мальчик. Не опытный муж, с извращенной фантазией и любовью к острым крюкам. Однако я до сих пор помню, как у меня шевелились волосы на затылке, когда этот парнишка смотрел на меня. Он хотел вылечить всех нас от какой-то невидимой болезни, может быть... уничтожить. Но только не видеть больше наших мук, наших, таких нездорово-правильных, лиц. И теперь чья-то сильная рука вновь берется за хирургические ножи, чтобы резать наши невидимые опухоли. Время и история сплетаются воедино. И мы видим истинный масштаб эпидемии. Но, как и сотни лет назад, где-то в глубинах души, сомневаемся, кто же все-таки болен, мы или они...

Трасса пуста. Только ветер. И золото осеннего дождя. На

горизонте вырастают очертания домов. Серые, безликие высотки. Тысячи людей внутри, тысячи – снаружи. И где-то там, среди них – он. Такой же уставший, такой же бледный от головной боли. Такой же...обычный...

Мы мчимся быстрее. Город приближается к нам, нависает и изгибается. Дома, похожие на серые пальцы, пустые окна, опущенные жалюзи. Шум серой толпы, льющейся по улицам, будто волны смрадных помоев. Автомобильные пробки. Нервы, натянутые как струны.

Поиски будут тяжелыми.

Машина вползает в город медленно и вязко. И тут же встает в пробке.

– Обеденное время... – шипит водитель и щелкает рычажком на панели. Красно-синие огни разливаются над нашими головами, погружая машину в ореол веселых цветов. Руль, под силой рук, скрипит и выворачивается влево. – Попробуем по другой улице...

За окнами – красная вывеска MacDonald's. Вспоминаю, что не ел с вечера. Глотаю голодную слюну. Три молодые девушки перебегают дорогу прямо перед нашим носом. Смеются и машут нам. Я вижу их смешные сумки, их кольца на пальцах. Румяные лица живых людей. Красоту биения сердца. Я смотрю на них, не в силах оторваться. Это все... так необычно для меня сейчас, так ново, что режет взор. Их жизнь. И ее смерть.

– Курицы!.. – смеется водитель. – Совсем обнаглели...

Не нужно так. Они совсем еще дети.

Хочу сказать им, чтобы были осторожнее, и даже наклонюсь к окну, но вижу только их спины. Тонкие, детские талии. И думаю, что возможно скоро, одну из них придется опознавать.

– Будьте осторожнее...

Водитель в недоумении смотрит на меня. Наверное, я опять разговариваю сам с собой. Глупо пожимаю плечами, но этого ему оказывается вполне достаточно.

Во дворе, сквозь который мы проезжаем, лают собаки. Свора дворняг делит добычу – кусок чего-то кровавого. А вокруг них, вся земля усыпана белыми перьями и пухом. Отворачиваюсь.

Безумно долгий день. Наедине с темнотой. К вечеру, я знаю точно, разболится голова. Но к тому времени я уже выпью четыре бутылки пива и снова не буду понимать, от чего эта ноющая боль в висках. И придут другие мысли, и будет другое понимание мира. И я усну, опять ни в чем не разобравшись, на смятых простынях, под ворохом пыльных одеял. А завтра будет новый день, такой же, как все предыдущие.

– Отлично!..

Смотрю на водителя. Он с улыбкой кивает на пустынную улочку:

– Проскочили.

– Да...

Смело проносимся по прямой и выворачиваем обратно, на главную дорогу. Пробка остается позади.

Водитель довольно оборачивается:

– Кто хочет, тот всегда найдет...

Беда в том, что он прав. Людям нравится томиться в дорожных стопорах, грызть ногти, сжимать до белой боли рулевое колесо, дышать бензолом. Им нравится глядеть в окно, сквозь капли пота, на то, как доведенные до исступления водители, набрасываются друг на друга, будто смертельные враги. И когда первые капли крови орошают черный асфальт, в десятках рук появляются отнюдь не аптечки. Мобильные телефоны с камерами. И каждая мерзкая тварь с такой аппаратурой, спешит занять самое козырное место для съемки, лишь бы та вышла более насыщенной и красочной. И потом, вечером, у теплого огня, в семьях, они будут показывать этот ужас своим детям, своим мужьям и женам, и смеяться... Я видел это. На местах преступлений, на местах кровавых аварий. На страшных пожарищах, когда люди горели заживо. Жажду крови в глазах, желание созерцать чужую смерть. Я видел... Нет никого безжалостней человека.

Пока мы стоим на светофоре, в салон машины, сквозь щели, вползает удушливый запах гари. Одна из железных урн, около дверей какого-то модного бутика, полыхает, будто факел. Молодая девочка-продавец, на высоких каблуках, пытается потушить огонь, поливая мусорку из розового ведерка. Мне становится невыносимо смешно и тоскливо. Отворачи-

ваюсь от окна, уставившись в пол. Водитель трогается с места.

– Какой дом?

– Двадцать два.

Странное, мистическое совпадение. Две двойки. Ее последние цифры.

Едем. На лобовом стекле появляются мелкие капли. Дождь. Угрюмое небо молчит, ни единого звука. Сворачиваем во двор. Счетчик накручивает последние метры пути. Наклоняю голову, рассматривая белые панели высотного дома. Синяя табличка проплывает мимо глаз. 22.

В номере ее подъезда и квартиры нет ничего необычного. Мертвые холодные цифры. Водитель паркуется на газоне, стирая мертвую траву в пыль.

– Доехали.

– Спасибо.

Он достает сигарету. Закуривает:

– Подождать?

Смотрю на часы. Нет...

– ...не нужно.

– Как хочешь.

Пожимаю сухую ладонь и покидаю салон. И когда автомобиль отъезжает, я вижу ее на заднем сиденье. Темный профиль лица. Я не должен бояться идти туда. Но все же, непомерно счастлив, что буду не один.

Курю. Не чувствую времени. На улице не дождь – вода-

ная пыль. Ее кривые волны накрывают меня с головой. Тяну пожелтевшую от никотина сигарету, что есть мочи. Легкие трепещут, будто крылья погибающей бабочки. Стараюсь не смотреть в сторону приоткрытой двери подъезда. Черная щель пугает и тянет.

Выпускаю дым из носа.

«Что случилось с миром...»

Поднимаю воротник. Железная дверь приближается. Безумно холодная, скользкая ручка в моей руке... словно... щупальца...

Вздрагиваю. Вхожу в сырую тьму.

6 этаж.

Еду в пропахшем мочой лифте. Чувствую, как приближаюсь к ее последнему пристанищу, перевалочному пункту страшной, никому ненужной жизни.

На лестничной клетке ее запах. Сладкий приторный аромат, въевшийся в стены. Он, словно сахарный зефир, вяжет мои больные зубы, заставляя стонать черные дыры кариеса. Но и противостоять ему – у меня нет сил.

Я знаю, как пахнет чужая любовь.

Черная дверь нависает надо мной, будто гроб. Она наглухо, крепко заперта и открывать ее, у меня нету ни малейшего желания... Но. Это мой долг... моя работа... рыться в чужом, испачканном кровью, белье. Сажусь на ступеньку. Рядом стоит жестяная банка, истыканная тонкими окурками. Разглядываю фильтры. Следы помады почти на каж-

дом. Осторожно поднимаю пепельницу и вываливаю вонючие бычки на лестницу. Затхлый пепел взмывает ввысь, забиваясь в ноздри.

Нет. Ни одной мужской сигареты. Только дамские, тонкие «Vogue». Кидаю жестянку вниз по ступенькам.

Хозяйка приходит спустя четверть часа. Толстая, безобразная женщина, с огненно-рыжими кудрями волос. На ней черное пальто. На плечах – куски перхоти.

– Господи, свиньи какие... – говорит горлом. Видит рассыпанную пепельницу. Пухлые руки принимаются собирать окурки.

– Бросьте, это может быть полезным следствию... – Она не слышит. Сгребает ладонями заскорузлые бычки. – Женщина! – Замирает. Но все еще держит в руках горсти грязных фильтров. – Бросьте это!

Она разжимает кулаки – монстр, созданный из потеющих жировых складок.

– Вы из милиции?

– Да. Мне нужно попасть внутрь.

И, прежде чем она успевает спросить удостоверение, раскрываю красные корки перед ее лицом.

– Сибиряков Антон Владимирович... Угу-угу... Следователь...

Прячу документ от жадных, бесцветных глаз.

– Будьте добры, откройте дверь.

– Горе... – она говорит, но обрывается, глядя на меня. –

Горе?

Мерзкая правда темного мира. В интонации, в белом языке, облизывающем сухие губы. В каплях пота. Является ли горем смерть ребенка? Существо, напротив меня, не знает ответа.

– Откройте дверь, – я слишком устал.

Ключ вращается в замке, скрипят петли. Я подхожу к черному зеву, не пытаюсь противостоять его сладкой притягательности... Ступаю за порог, погружаясь во тьму. Здесь так холодно, Боже... почему здесь так холодно?! И пахнет не Оксаной. Воняет смертью.

Позади меня хозяйка квартиры щелкает выключателем. Под потолком вспыхивает пучок флуоресцентного света. Лампы жужжат, будто рой жирных мух на скотобойне. Меня передергивает, но даже такое освещение не способно изгнать мрак. Вижу его в углах. Под обувной полкой, за вешалкой. Он шипит и извивается, скалясь на каждое мое движение. Раненая змея, защищающая свое жилище.

Оборачиваюсь. Женщина не решается войти. Стоит в дверях. На бледном лице – древний ужас далеких предков. Инстинкт самосохранения.

– В чем дело?

– Я боюсь...

Она и вправду боится. Ее трясет. Мы словно попали в морг. Так схоже...

– Чего?

Знаю, что она не сумеет найти ответа, но... она находит:

– А вдруг она там? Сидит в своей комнате и не знает, что умерла...

Страх щекочет шею. Пытаюсь разгладить его ладонью.

– Этого не будет, – говорю ей грустным голосом. – Этого никогда не бывает.

Перед глазами плывут красные образы той ночи. Переломанное тело под колесами моей машины. Люди вокруг. Свет фар, бьющий в глаза острыми спицами. Трясущиеся руки. И белая упаковка антидепрессантов на водительском сиденье.

Ей было всего 14. И видит Бог, мне тоже хотелось, чтобы родители, придя домой, обнаружили ее перед телевизором, веселую и живую. Не знающую о своей гибели... Я всю ночь молился об этом, но увидел наутро только красные глаза ее отца.

– Мне ведь не обязательно идти туда?

Пожимаю плечами:

– Нет.

– Тогда я подожду здесь. Эта квартира... она плохая.

Нет. Мне искренне жаль, но плохими бывают исключительно люди. Сверяюсь с часами.

– Скоро приедут эксперты, им нужно будет с вами побеседовать. Не уходите раньше времени.

Вхожу во мрак единственной комнаты. Окно плотно завешано старой шторой. Подхожу ближе. Холод становится невыносимым. Замечаю, что края занавески приклеены к

стене рваными полосками скотча. Осторожно берусь за ткань и дергаю – липкая лента отходит от стены вместе с побелкой. Дневной свет врывается в комнату, оголяя ее скромные околичности: продавленный диван, замызганный компьютерный столик, горбатый, древний шифоньер. На полу – узорчатый палас, зашарканный ногами до дыр. Оконное стекло разбито. Когда убивают проститутку, мне приходится выезжать на места преступлений. Я захожу в их съемные квартиры и вижу обстановку, подобную этой. Места продажной любви, они выглядят именно так.

– Кем ты была, Оксана? – не говорю, безмолвно шевелю губами.

На столике стоит раскрытый ноутбук. Пришло время вновь открывать цветастую коробку. Включаю его. Жидкокристаллический экран мерцает мягкой синевой. Склоняюсь над компьютером. Курсор мигает в строке пароля. Еще один стальной крюк в мое тело. Тенденция моды или, действительно, что-то личное? От кого она защищалась этими черными точками? И, неужели, действительно верила, будто кому-то есть дело до ее глупых, детских тайн?

Ввожу несколько стандартных вариантов – от имени, до возраста. Клавиши скрипят от смеха. Система непоколебима. Она ждет только ее пальцев, ее слов, ее мыслей.

– Она умерла. И не придет к тебе больше.

Ноутбук ждет. Как прирученное животное, до самого конца.

В столе есть ящики. По левую руку от меня. Выдвигаю их один за другим – пустые. Все, кроме последнего. На дне, среди пыли и кожуры от семечек, лежит компьютерный диск в прозрачной коробке. На пластиковой крышке прыгающие буквы, выведенные фиолетовым фломастером.

МОЙ ДНЕВНИК.

Засовываю болванку в карман пальто. Ноутбук теряет важность, превращается в мертвые платы и железки. Оставляю его на растерзание экспертам, пускай грызут обглоданные кости. Выхожу в коридор. Жирная громадина все так же стоит в дверном проеме, загораживая путь. Выуживаю из пачки последнюю сигарету. Крепко затягиваюсь. Кольца белесого дыма медленно плывут к потолку.

– Вы знаете, что эта квартира была притоном? – Говорю спокойно. Держу ее тройной подбородок в прицеле своих черствых глаз.

Да. Она знала. Но не была причастна. Читаю все это по ее губам, намалеванным красной помадой. Они дрожат.

– Я... – противный глоток соплей. – Я не знаю...

Курю. Задумчиво и с улыбкой. Но не отпускаю лживого монстра из цепких объятий собственного взгляда. Она не сознается. Мне плевать. Или даже... жаль ее. Корысть убила в ней все человеческое, превратила в безликое создание, мертвое от собственной слепоты к миру. Да, мне очень жаль это странное, несчастное существо.

– Что у вас вместо сердца? – задаю тот единственный во-

прос, который может хоть что-то изменить. Но большие глаза смотрят на меня в недоумении и страхе. И я протискиваюсь в подъезд.

– Дождитесь группу, – кидаю ей через плечо, в то время как мой палец уже вызывает лифт. – Непременно дождитесь...

– Да...да...конечно...

Двери с гулом раскрываются.

– Дождитесь...

Потная ладонь в кармане держит пластмассовую коробку диска. Пускаю дым из носа и захожу в вонючую коробку лифта.

На улице темнеет. Сумерки перемешиваются с гарью предстоящей ночи. Холод тянет тиски все сильнее.

Куда ушло время?

Осматриваюсь.

«Мама, что это?..»

Эхо памяти. Детский голос. Удивление и страх маленького сердца.

«Просто снег, сынок»

«Снег...»

Белый мир. Моя первая встреча зимы. Серебряный холод в ладонях.

– Просто снег...

В домах загораются окна. Сотни желтых точек вокруг, как будто где-то здесь, в центре, под моими ногами, кроется си-

ла невысказанного притяжения. Словно вся звездная пыль, все пульсаторы и метеоры стремятся служить ей здесь и сейчас. Ей одной. И я... готов.

Иду. Сливаюсь с ночными огнями мегаполиса. Мимо людей, мимо машин, к китайскому ресторану, что прячет свои двери в одном из многочисленных проулков города. Часы на руке учащают стук каблуков, я почти бегу.

Она ждет меня у ярко-красных дверей, под вывеской, иероглифы которой горят попеременно и тускло. Красивая женщина с тонкой шеей и крутыми бедрами. В черной юбке, готовой задраться на талию при первом моем желании.

– Лера... – шепчу на ходу ее имя. В висках пульсирует кровь, на лбу выступает пот. Я слишком много курю. Тянусь за сигаретой в карман, но нащупываю только пустую пачку. Сминаю ее в кулаке.

– Антон! – она видит меня и улыбается. Машет рукой. Подхожу. Облизываю пересохшие губы:

– У тебя нет сигареты?

Она смеется:

– Нет. В жизни не курила. Забыл?

Голос, полный счастья. А я уже сутки ничего не ел.

– Пойдем, поужинаем...

Беру ее под руку и тащу в ресторан...

...диван скрипит. В такт нашим плавным, медленным движениям. Я беру ее снова и снова, в темноте съемной квар-

тиры. Ее ноги на моих плечах. Стоны и изгиб спины. Вхожу так глубоко, что ощущаю жар ее внутренностей. Ногти впи-
ваются мне в спину. Она шепчет.

– Еще...

И я даю ей то, чего она так просит. Свою любовь.

Она вскрикивает, напрягается, и теплота заливает мои
бедрa. Ногти срывают кожу со спины, кровь тонкими ручей-
ками струится по телу и падает вниз. На белоснежные про-
стыни, мгновенно въедаюсь в их тонкую грань. Я продол-
жаю двигаться, продолжаю раздавать свою, обжигающую хо-
лодом, любовь.

Диван скрипит. Как лестница, там, в подвале. Ее губы у
моего уха.

– Любимый...

Сжимаю ее крепкие ягодицы.

– Милый...

Скрипы. Стоны. Чьи-то взгляды. Лестница. Кто-то неви-
димый рядом.

– Боже... – вырываюсь из горячего плена.

– Антон? – она поднимается на локтях, хватая меня за ру-
ку. Ее пальцы испачканы кровью. Скользят.

– Он был там! Этот сукин сын был там!

Натягиваю трусы. Майку, штаны.

– Да что случилось-то, можешь объяснить?!

– Мне нужна твоя машина.

– Ты не можешь так уйти...

Времени на споры нет. Зажигаю ночник.

– Ключи, – раскрытая ладонь тянется к ее лицу.

Она смотрит с непониманием. Обнаженная женщина, ищущая любовь. Готовая на все, ради собственного счастья.

– У тебя нет прав, я поеду с тобой...

Отмечаю складки на ее худом животе. Когда она сидит вот так, согнувшись пополам, демоны и бесы времени оголяют свою суть. Вытаскивают наружу все то, что она прятала. Чего боялась. И посреди ночного мрака, здесь, в глубинах города, я вижу ее настоящую мечту, которую она принимает за страшный грех. Стать матерью. Любить и быть любимой.

– Собирайся... Лера.

Быть может, когда-нибудь, я пойму, что эти два слова и были той самой, настоящей любовью. И скитания наших одиноких сердец прекратятся. Когда-нибудь... не сейчас.

Она накидывает куртку, хватая со столика кобуру. Черный ручка пистолета вращается во мраке пространства. Горит желанием влиться в чью-нибудь ладонь.

– Идем...

Я следую за ней прочь из квартиры. Старая «Тойота» мигает фарами. Садимся в промерзлый салон. Из рта идет пар.

– У тебя есть лом?

– Да, в багажнике.

Ночь необычайно темна – не вижу собственной руки, поднесенной к глазам. Лера зажигает в салоне свет. Тусклое свечение, разбрасывающее тени. Дергает ручку скоростей.

– Куда?

Я говорю ей. Свет фар скальпелем вспарывает ночную мглу.

– Расскажешь? – тонкие ручки крутят руль.

– Покажу...

Несемся сквозь город. Мокрый асфальт рекой убегает под колеса. Память той ночи. Так близко, что я стискиваю кулаки. Вижу. Слышу. Ее тонкий силуэт. Визг покрышек. Удар. Всплеск крови и волос. Скрежет днища о вывернутые из мяса кости.

Всего секунда, словно вечность.

Лера гонит «Тойоту» во весь опор. Выскакиваем из города в безумную, непроглядную тьму.

– Включи дальний...

– Уже.

Мне не по себе. Сердце колотится в груди, трясутся пальцы. Я не боюсь того, что впереди – страшусь прошлого. В моем мире, за чертой света, все иначе, холоднее и ближе. На расстоянии вытянутой руки, в безумном плене дыхания. Все они, мертвые. Рядом со мной.

Ни одного фонаря по обочинам. Только мы – некий живой свет, летящий сквозь бездну рухнувшего неба.

«Убей его»

Холодные губы касаются уха.

«Убей. Отомсти за меня»

Я готов. Сжимаю шершавую сталь в кобуре, под сердцем.

В зеркалах заднего вида злое лицо Оксаны скалит кровавые зубы, цедит розовую пену.

«Убей эту мразь!»

– Я готов...

Машины бросает по скользкой дороге. Трасса остается в стороне.

– Так темно... – женский голос. Я не знаю, чей он, кому принадлежит. Жизнь и смерть сплетаются воедино внутри холодного салона, стирая все грани подвластные разуму.

– Держись, Антон!

«Тойоту» подбрасывает вверх и она, дико жужжа колесами, падает вперед лицом, натываясь на жесткий кулак земли. Ломается бампер, с треском лопаются фары, скрипит по швам древний каркас. Меня кидает вперед, на лобовое стекло. Изо всех сил держусь за ручку над боковой дверцей, чувствую, как она выворачивается из металла, словно гнилой зуб. Лера рядом, отплеывается матом, поправляя врезавшийся в грудь ремень безопасности, ведет автомобиль медленно, вслепую. Не останавливается.

Вползаем, будто змеи, в мерцающий фонарями поселок.

– Здесь! Останови здесь! – Пытаюсь выскочить на ходу, но дверь не поддается – мешает чертов блокиратор. – Лера!..

Она осторожно гасит движение. Тяжелые от грязи колеса застывают в ночной кофейной гуще и в салон вливается тьма.

– Он там? – ей страшно. Черный риф дома оголяется пе-

ред нами, и я смотрю на него, раздумывая. Сомневаюсь...

– Антон?..

...в ней. Не знаю, стоит ли брать ее с собой. Мы в самой сердцевине темноты. В том месте, откуда не возвращаются. Я никогда не прощу себе, если она погибнет.

Вытаскиваю из кобуры черную сталь:

– Ты не идешь!

Выхожу из машины. Она что-то громко говорит мне в спину, но я закрываю дверь. Земля размокла, превратилась в скользкую гадину. Насытилась гнилью природы так, что заблевала весь праздничный стол. Давлю ее каблуками без жалости. Иду, кажется, целую вечность.

Дом рядом. В десяти шагах от кошмарных стен, какая-то неведомая сила заставляет меня обернуться. Автомобиль пуст. Леры в нем нет!

Господи Боже...

– Лера? – медленно скольжу обратно. Вглядываюсь в исцарапанные стекла. Водительская дверца не заперта.

«От судьбы не убежишь»

В доме грохает выстрел.

И в следующий миг я вижу лишь свое дыхание на воротнике пальто. Мелкие капли, блестящие, будто бисер. Бегу. Точно огонь взметаюсь по деревянным ступеням крыльца, и дальше – к стеклянной ручке двери. Хлипкий замок пытается удержать меня, но вылетает от первого же удара ноги. Врываюсь внутрь. На прицеле каждый сантиметр, каждая

молекула враждебного мира.

– ЛЕРА?! – Нет ответа. – ЛЕРА?! ТЫ ЗДЕСЬ?!

В панике натыкаюсь на груды мебели в углу. Падаю. Пол залит чем-то липким и горячим, руки разъезжаются в стороны.

– Что за?.. – подношу пальцы к глазам. Кровь. Вскакиваю, в ужасе обтирая ладони. – Твою мать!..

Это она? Это Лера?

В подвале кто-то есть. И он знает обо мне. Сжимаю рукоять пистолета сильнее, готовясь убивать. Лестницы нет, вместо нее – непроницаемая тьма, затопившая подпол. Не могу заставить себя спуститься и только одноглазый ТТ глядит в бездну без страха. Требуется. Ждет.

«Иди»

Адреналин выжигает вены – глубоко вдыхаю и начинаю погружение. Отсчитываю ступени. Пятая прогибается под тяжестью моего веса, скрипит и проламывается. Отдергиваю ногу, хватаясь за стену рукой – из дыры рвется яркий слепящий свет. Аккуратно перешагиваю пролом, пытаюсь заглянуть внутрь, и натыкаюсь на его лицо. Нечеловеческое, бледное, оно смотрит на меня всего секунду, а потом ощеривается черными зубами-иглами и срывается с места... Реву от злости и открываю огонь. Стреляю себе под ноги, выбивая из дерева брызги щепок. Раненая лестница жалобно стонет, и в следующий миг, с грохотом рушится подо мной. Падаю на колени, расшибая их о каменный пол. Плюю на колющую

боль, выбрасываю руку с оружием вперед и не верю своим глазам.

– Сукин сын...

Девушки. Все они здесь. Висят на цепях, точно туши. Абсолютно голые, нанизанные на крюки, они раскачиваются, словно маятники. Задевают друг друга, создавая неподвластный описанию шорох смерти. В свете двух ярких фонарей, расположенных у стены, их кожа отливает жирным блеском. Ублюдок накалывал их какой-то дрянью – замедлял процессы разложения. И натирал. Гасил трупные запахи.

Сколько их здесь?

Много. Слишком много. Поднимаюсь на ноги.

Что это за место? Часть подвала?

Проверяю обойму. Два патрона плотно сидят в магазине, третий – в стволе. Чертовски мало для той твари, что я видел.

Ничего... ничего... Он всего лишь человек.

Вспоминаю черные иглы во рту. Прозрачные глаза. Но все же... Неимоверным усилием заставляю себя двинуться вперед. Войти в этот страшный лес из тел. Они тянутся ко мне, желая прикоснуться, будто чувствуют мое живое тепло. Словно требуют отдать им его часть. Холодная, изуродованная ступня касается моей щеки. Страхи кроются внутри нас самих. Стараюсь отвести их от себя методом дыхания. Кажется, телам не будет конца. Но, стискивая челюсти, с безумным упорством я продвигаюсь дальше. И, вскоре, миную их страшный плен.

Камень под ногами сменяется мягкой землей. Пытаюсь отдышаться, согнувшись пополам. Время утекает горными ручьями, вливаясь ледяной правдой в мое нутро. Слишком долго. Отхаркиваю никотиновую слизь. Обтираю рукавом вспотевшее лицо. Где-то впереди хлопает дверь – словно кто-то специально, с силой ударяет ею о косяк, поторапливая меня, давая подсказку верного пути. Вовлекаясь в жуткие салки, поддаюсь игре. Бегу.

Туннель заканчивается деревянной лестницей в пару-тройку перекладин, и дощатой дверью сверху, сквозь щели в которой пробивается тусклый свет. Оглядываюсь назад. Пути отступления затянуты черной ширмой.

Вчера утром, когда все мы были в доме, убийца стоял под лестницей и наблюдал. Бродил по подземелью, и вновь возвращался к нам. На расстояние вытянутой руки. И если бы я не был столь надменен, то придал бы значение скрипу ступеней. Увидел бы, в узких щелях между ними, его белые глаза.

Взбираюсь по лестнице, и понимаю, что место, в которое убийца заманил меня, полыхает огнем. Выбираюсь из подпола в раскалившуюся атмосферу.

Это дом. Соседний дом через дорогу. Вижу в окне Лерину «Тойоту». Справа от меня, сопровождаемые хлопком, разбегаются по стене ярко-рыжие огненные волны. Вонь бензина пленкой обволакивает рот. Слева лопается стеклянный кувшин, расплескивая по полу закипевшую воду. Голубой, едкий дым, заполняет комнату, выталкивая меня к окну. Бью

по стеклу ногой, и оно с глухим звоном рушится на крупные, острые куски. Дышу.

Огонь расплзается по деревянному строению, как тысяча неизвестных науке пауков. Перешагиваю через занявшийся половичок, и вступаю в сумрак соседней комнаты. Делаю несколько шагов вглубь и вдруг, застываю на месте. Чувствую его за своей спиной.

– Тварь!..

Пытаюсь развернуться, но что-то тяжелое обрушивается мне на голову и взрывается брызгами осколков. Падаю на пол. Мерцающий дождь накрывает меня с головой, стучит по деревянному полу, искрится. Темная боль внутри черепа заливает глаза. Теряю сознание. Всего на миг. И когда прихожу в себя, черные, измазанные грязью сапоги стоят перед лицом. Сильные руки переворачивают меня на спину, и я вижу его лицо. Но не могу поверить...

Веки закрываются. Я соскальзываю в забытье, будто кусок злого мяса, вытолкнутый с пирса в темные воды...

...открываю глаза.

Лера сидит у стены, раскинув ноги. Это она, узнаю по одежде. Черная юбка, куртка... Лица нет. Красная тень.

Стараюсь подняться. С удивлением обнаруживаю, что пистолет снова зажат в руке. Дом полыхает, как факел. Огонь подступает к комнате, щелкая зубами. Дрожит в дверном проеме ярким стягом, преграждающим путь.

– Лера?! – я все еще надеюсь, что она жива. Опираюсь на

руки, встаю с пола. Иду к ней сквозь помутневшую от дыма комнату. Сквозь закипающее пространство. Наплевав на заплетающиеся ноги. Забыв о пробитом затылке...

Падаю возле нее на колени.

Дышит. Держится окровавленной рукой за шею – между пальцами стекает бордовая кровь.

Не видит меня.

– Лера? – нежно касаюсь плеча, трясусь. – Слышишь меня, девочка моя? Слышишь?..

Поднимает тяжелые веки. Кажется, приходит в сознание.

– Ан... – Узнает. Силится сказать мое имя. Сипит, не в силах совладать с разорванным горлом. – Ан...

Не может. И из глаз ее, от этого, горькими бриллиантами, ползут слезы.

– Тсс... тихо. Не говори, девочка. Ты сильная... Дай я посмотрю, что там...

Отнимаю ее руку от раны. Она не желает, чтобы я видел, но силы не равны, и спустя всего секунду, передо мной раскрывается страшная правда. Из округлого пулевого отверстия плещет темная кровь. Обойма выскальзывает из моего пистолета и падает на пол. Смотрю на нее, от злости стискивая зубы. Один патрон. Господи!..

Лера дрожит. Пытается что-то сказать. Слышу только кровь, бурлящую в горле. В слепых попытках она нащупывает мою руку и сжимает. Крепко-крепко.

– Не... не...

Красный кашель.

– Я не отпущу, Лера.

В комнату, с грохотом врывается пламя.

– Я не отпущу...

Закрывает глаза. Успокаивается.

К какой любви готово мое сердце?

И пока я думаю над этим, она отпускает мою ладонь.

Оставляет свою жизнь полыхающему дому.

– Прости... Я так виноват...

Из-под опущенных век ее продолжают течь слезы. В них отражается огонь. Поднимаюсь с колен, разворачиваясь к голодной стихии, рвущейся мне навстречу. Тело закипает от безумного жара, но я не двигаюсь с места.

– Я оставляю ее тебе.

Оранжевые языки извиваются, облизывая стены. Они готовы к дарам. Мы в самом сердце тьмы.

– Прощай, Лера.

Стена справа занимается все сильнее, прогорая до черноты. Поднимаю с пола обойму. Вставляю в рукоять и передергиваю затвор.

Эта горечь не будет иметь конца.

Гарь забивает легкие. Стреляю в стену, выбивая из нее красные угли. Ставлю плечо и, что есть мочи, с разбега врезаюсь в горящий сруб. Проламываюсь сквозь преграду, обрушивая на себя горящие обломки. Пламя бьет в лицо, опалывает кожу. Горячие искры брызжут за шиворот, грызут спину,

вьедаются в пальто. Вываливаюсь на улицу, в мокрую грязь, и тут же, за спиной, с диким грохотом обваливается крыша, взметая в ночное небо тучу огненных насекомых. Яркие нити оплетают дом, превращая его в один полыхающий клубок.

Поднимаюсь на ноги.

«Антон...» – она говорит со мной.

«Да?»

«Я люблю тебя, Антон»

В глазах моих отражается свет. Он сползает по лицу, повисает на подбородке, падает на грудь. Я вижу ее внутри себя. И протягиваю дрожащую руку, не в силах удержаться.

«Не отпускай меня, Антон...»

«Я не отпущу»

– Я никогда не отпущу...

Но ее нет. Только пустота. Горячий воздух в грязных ладонях. И я разворачиваюсь, чтобы уйти.

Пистолет все еще со мной. Тяжелит руку, желая что-то сказать. Бросаю его под ноги без сожаления. Он предал меня, встал на сторону зла.

«Тойота» ждет все там же. Забираюсь в нее и закрываю глаза.

Что ты наделал?

– Я разгонял тьму.

Горло сохнет, слипаются губы. Лопнувшие нервы требуют табачного дыма – глубокого, крепкого, но я вспоминаю, что так и не купил сигарет. Как давно это было? Кем я был

там, в китайском ресторане, и после, в ее объятиях? Не вижу ничего, кроме залитой кровью шеи и слез, катящихся из-под опущенных век.

Что я искал? Любовь?

В затылок пульсацией возвращается боль. Вспоминаю о бардачке и нервно шарю в нем. Нахожу одну сигарету, переломленную у фильтра. Отрываю его и закуриваю. Тяну старый, высохший табак, и не нахожу ничего прекрасней, ничего лучше его дрянного, затхлого дыма. Во всем мире сейчас, есть только эти несколько минут полета над обожженной, залитой кровью округой. И я лечу. Зная, что придется упасть, зная, что горечь этой ночи неминуемо затопит мое сердце... Я все равно... лечу.

Рыдаю, согнувшись, на переднем сидении. Зажав между зубами тлеющую сигарету, сжав в беспомощности кулаки. Я не могу, не имею сил противостоять той пустоте, что обступает меня со всех сторон. Я...

—...не могу... прости меня Лера, я не могу...

И в эти мгновения, через сказанные слова, я понимаю, что навсегда останусь с ней. Здесь, в этом полыхающем доме, на краю земель, в самой бездне. Я буду тянуть трясущиеся руки к ее лицу, и гореть вместе с ним. И в этом пепле, находить то, чего так боялся, от чего бежал всю жизнь. Ту самую, настоящую... вечную любовь.

Успокаиваюсь. Дышу. Замечаю, что в машине дребезжит панель. Придавливаю ладонью. Кажется, прекращается...

И вдруг, «Тойота» резко дергается вперед. Хватаюсь за руль, и вижу, как по лобовому стеклу, одна за другой, бегут трещины. Земля гудит, вибрирует, и медленно начинает оседать, затягивая капот в свое обмякшее чрево.

– Твою мать!

Дергаю дверь. Блокиратор подмигивает красным и потухает навсегда. В салон, через щели, пробирается черная слизь. Шипит, будто змея, пускает ядовитые пузыри. Кручу ключом в замке зажигания – тщетно. Двигатель захлебывается мутной жижой, беззвучно принимая смерть.

Бью локтем в стекло. Несколько раз. Только глухие звук и боль в плече.

Фонарный столб слева, кривится и падает на дорогу. Провода, искрящимися хлыстами, ударяют по земле, высекая из прогнившей плоти черные брызги. Вжимаюсь в сидение и изо всей силы ударяю ногами в боковое стекло. Оно вылетает, не разбившись, словно лист картона, обвитый паутиной. Выбираюсь из салона и вижу, что дорога впереди обрушилась, превратившись в глубокий ров, заполненный вонючим болотным месивом.

Рот, наполненный иглами, усмехается.

Взбираюсь на крышу. Убийца замечает следы. Кидает нам объедки. Спрыгиваю с обреченной машины. Она медленно сползает вниз, погружаясь в чавкающую пропасть. Кривые гадкие щупальца карабкаются по железной обшивке, цепляясь за каждую щель. Они утягивают железное тело на дно, в

свои ненасытные глубины.

Дом горит. Рушится. Прячу замершие руки в карманах пальто и с удивлением обнаруживаю в правом кармане диск. Вытаскиваю.

МОЙ ДНЕВНИК.

Буквы сливаются в единую цепь... Поднимаю глаза. Свет бесчисленных фар сужает зрачки. Вижу тени вокруг. Человеческие фигуры, не имеющие лиц. Слышу крики. Наперебой, будто карканье сотен ворон. Вой сирен. Отблески радужных цветов в серых лужах...

Опускаюсь на колени с поднятыми вверх руками. Все еще держу этот чертов диск...

– Не двигайся!

– Не двигайся, мразь!

– Ты что сука, не слышал?!

– Все в порядке, я свой, – говорю спокойно. Так, как учили. Не вызывая гнева, не разбрасываясь бешеной слюной. – У меня удостоверение...

– Ты что, падла, не слышал?!

В слепящем свете различаю только тонкое дуло автомата. Оно смотрит мне в грудь.

– Будь по-твоему...

Кто-то невидимый подкрадывается ко мне сзади и скручивает руки за спиной. Слышу только, как шелкают наручники. Чувствую холодную сталь на запястьях.

– Будь добр, – сплевываю закипающую злость. – Возьми

удостоверение во внут...

– Да мы знаем, кто ты такой, ебанный в рот! – сильная рука хватает меня за шиворот и поднимает на ноги. Толкает в спину. – Двигай...

– Я... – и тут до меня доходит смысл происходящего. Громко смеюсь, не в силах остановиться. – Ну, тварь! Ну, сука... Подставил меня...

Допросная комната смердит кровью. Всегда. Сколько бы ее не отмывали, какую бы химию не использовали. Вонь не уходит.

Я сижу за столом, с зажженной сигаретой, и гляжу на красную куртку медбрата. Он упаковывает мази и бинты обратно в аптечку. Защелкивает ее и устало улыбается:

– Кажется, сотрясения нет.

Молчу. Но навряд ли его слова адресованы мне – у двери, прислонившись к ней спиной, стоит человек в синем костюме. Трогаю перебинтованную голову.

• Вот и славно, – синий костюм смотрит на меня. Те же черные глаза, что и прошлым утром. Детектор лжи. – Спасибо вам.

Дверь открывается, и санитар пятится к выходу:

– До свидания.

– Угу. Всего хорошего.

В проеме мелькает конвойный, с автоматом наперевес. Откашливаюсь. Хочется спать и я протираю лицо ладонями.

Стул напротив меня скрипит от тяжести погон. Пухлые пальцы стучат по засаленной крышке стола.

Затишье перед бурей.

Желтая лампочка в патроне, под потолком, выглядит убого и грустно. Она походит на раздетую догола девочку, которую только что изнасиловал собственный отец.

Пуускаю дым из носа. Синий костюм вздыхает.

– Как это случилось, Антон?

Пожимаю плечами. Случилось что? Вопрос, похожий на сетку кровеносных сосудов.

– Пойми – здесь, сейчас, в этой комнате, я еще могу тебе помочь. Но когда я уйду, тебя просто сожрут.

Я знаю эти слова, они звучат здесь каждый день. Но не имеют такого действия, такой силы, как удары резиновой дубинки по ребрам.

Что я готов рассказать ему? И что могу?

– Я видел его, там...

– Кого?

Перед мысленным взором вспыхивает страшное, нечеловеческое лицо. Зубы-иглы. Муть глазных яблок. И капли крови в уголках бледных губ.

– Убийцу.

– Ты уверен? Антон, ты уверен в том, что видел?

– Да...

– Сколько ты уже не спал? Ты снова сидишь на колесах?

– Бред...

– Послушай! – он обрывает меня. Нависает надо столом. – Ты так уже говорил! Три года назад, помнишь?! Бред – умирать в четырнадцать?! Бред – переходить дорогу в положенных местах?! Бред, бред, бред... везде, мать твою, только один сраный бред! И ты, – палец целит мне в горло, – только ты не бред! Антон... зачем ты убил Леру?

Вот оно. Тот вопрос, ради которого все и затевалось. Сразу же, без торжеств и приготовлений – выстрел в самое сердце.

– Я не убивал.

Смотрит на меня в бешенстве. Не отвожу глаз.

– Ну, тогда скажи мне, кто ее убил?

– Я не знаю, кто он. Какая-то тварь с острыми зубами...

Фыркает:

– Нет-нет, только без этого...

– Тебя там не было! Черт...

– Вот именно!

Его глаза слезятся от бессонной ночи. Их заливают злость. Замечаю кольцо на безымянном пальце и думаю о том, какая же холодная сейчас, его половина кровати.

– Почему меня там не было, Антон? Почему не было ребят из группы захвата? Почему там была только одна хрупкая девочка, готовая на все ради твоего долбанного внимания?!

Ответишь мне?

Вопросы – пальцы с острыми ногтями, ковыряющие кровавую рану. Только боль и пустые ответы.

– Мне очень жаль, – вдавливаю окурочек в железо пепельницы.

– Тогда признайся. И она освободится.

Качаю головой:

– Ты ничего не понял. Мне жаль ее, но не тебя!

Обветренные губы усмеваются:

– А мне тебя искренне жаль. Ведь никого там не было, Антон. Эксперты обнаружили только твои следы.

Это ни к чему не приведет. Мы сотрем в спорах языки, но так и не добьемся понимания общей правды. Я был там, с ней. Все, что у нас есть. Только эта, твердая, непоколебимая стена. И мы – по разные ее стороны.

Диск с откровениями Оксаны мог бы кое-что прояснить, но о нем, почему-то, все забыли. Он так и остался лежать там, в мокрой грязи. Никому ненужный балласт, тяжелящий расследование, отодвигающий финишную черту за недостижимую линию горизонта.

Синий костюм, как всегда, торжествует. Думает о победе и мысленно ускользает из допросной в теплые объятия любимый женщины. Кольцо блестит на его пальце. Золотая бесконечность любви, замкнувшаяся в круг. Но так ли неразрывны эти узы? И неужели в них и есть настоящая правда?

– Он будет убивать.

– Что?.. – Не слушает. Думает о жене.

– Вы нашли диск?

– Если он там есть, то обязательно найдется, не так ли?

Они не найдут его. Вижу бледную руку, вытаскивающую из грязи прозрачную коробку. Пока они занимались мной, убийца снова был рядом. Подходил вплотную, рассматривая крепкие спины, закованные в бронежилеты.

Но как же следы?..

Закрываю глаза. Сон тут же утаскивает меня в яркие глубины. Красное море накатывает на белый берег, закипая розовой пеной.

– Антон!?

Вздрагиваю:

– Да?

– Ты заснул.

– Я очень устал.

– Тебе нужно отдохнуть. Выспаться...

– Нет, – протираю липкие от дремоты глаза. Синий костюм снова стоит у двери. – Я в порядке.

– Ты готов говорить? – голос наивно удивлен.

– Откуда вы узнали, что я там, в этом поселке?

Странно, но я до сих пор не думал об этом. Не спрашивал.

– Ты действительно думаешь, что я скажу тебе? Нет. Не в этот раз.

Киваю:

– Тогда мне нечего больше сказать.

– Твой выбор. Я предъявляю тебе обвинение в убийстве Валерии Сотниковой, – кулак стучит по двери. – Уведите задержанного!

– Ты, правда, веришь в это? Веришь, что я убил Леру?! – вскакиваю с места, опрокидывая стул.

– Ты упустил свой шанс поговорить, Антон. Теперь слушать тебя уже никто не станет...

– Ты даже не представляешь, что за тварь я видел!

На мой крик в допросную врывается конвойный. Молодой парень с испуганным прыщавым лицом и дрожащими руками. Держит меня на мушке, хотя автомат и пляшет из стороны в сторону:

– К стене!

– Спокойно, – я отступаю от стола.

– Не надо, – синий костюм осторожно кладет ладонь на черное дуло и опускает его вниз. – Задержанный все понял. Правда, ведь, Антон?

Он насмехается надо мной. Ждет, когда, наконец, я преклоню колено перед его раздутым величием. И, я делаю лживый поклон:

– Да... я понял...

Губы расплзаются в довольной ухмылке.

– Уведите подозреваемого.

– Лицом к стене...

– Да понял я! – огрызаюсь сквозь зубы и поворачиваюсь к конвоиру спиной, складывая руки замком. – Суки...

– Не горячись так, Антоша. Не горячись. – Холодные браслеты защелкиваются на запястьях, больно передавливая вены. – Ты теперь настоящий преступник! Не то, что раньше...

– Пошел ты!..

– Увести!

Автоматное дуло вонзается под лопатку. Тонкие пальцы ложатся на плечо и разворачивают меня к выходу.

– Вперед! Экипаж уже заждался. Вперед, я сказал! – конвойный входит во вкус. Чувствует себя палачом.

Улыбаюсь, смотря себе под ноги. Этот парнишка – мой последний шанс. Он ведет меня по коридорам, подталкивая в спину острой пикой автоматного дула. Выводит на улицу, в морозную утреннюю свежесть. Солнца нет. Только его белый, тусклый свет над крышами многоэтажек. Воздух дрожит от холода, а на газонах у крыльца серебрится иней.

Вздрагиваю. И начинаю действовать.

– Ну, что, мразь? – стараюсь развернуться на обледенелом крыльце. – Прокурорская шестерка! Дай сигаре...

Он бьет меня кулаком в живот так, что перехватывает дыхание. Из легких, с сипом, вылетает белесый пар. Сгибаюсь пополам от дикой боли. В кишках, разбуженный и недовольный, ворочается гастрит. Хватается за кишки и поднимается в полный рост.

– Эй! – конвоир передергивает затвор. – Ты брось это!.. Ну-ка...

Голос взмывает ввысь. Испаряется. Исчезает. Оседаю на ступени, заваливаясь набок. Медленно погружаюсь в обморочные воды, словно тяжелый танкер. Цепляюсь за собственные глухие стоны. Но их вес слишком мал и, спустя мгнове-

ние, я уйду на дно вместе с острыми обломками...

...Небо, совершенно бесцветное, поседевшее. Оно смотрит на меня сквозь пыльные стекла и молчит. Я лежу на кушетке, в салоне скорой помощи. На окнах – красные наклейки крестов, за ними – застывшие глаза предстоящей зимы. Вокруг меня люди – врачи в синих куртках и тот самый, молодой конвоир с автоматом.

За скорой следует УАЗ. Замечаю мигалки на крыше. Закрываю глаза. Утренний час, дороги пусты. На пробки рассчитывать не приходится.

Правое запястье до сих пор сжимает наручник. Видимо паренек приковал меня к себе, опасаясь побега. Насмотрелся голливудских боевиков!..

Сжимаю левую ладонь в кулак. Гляжу из-под опущенных век. Мальчишка смотрит в окно, опустив оружие в пол. Уставшие после ночной смены врачи, дремлют.

Когда отец лежал обожженный на дне ущелья, взятый в кольцо десятком боевиков, говорило ли с ним небо? Звало ли? Или морщилось, в отвращении разглядывая перебитые ноги?

Приподнимаюсь на локте и резко бью не успевшего дернуться конвоира, в челюсть.левой, что есть силы, вышибая из десен кровь, выламывая зубы. Красная морось бьет в боковое стекло, словно выстрел из водяного пистолета. Он пытается подняться. Размахиваюсь и бью еще раз. Туда же, изо всей силы, выбивая суставы. Паренек валится на сидение

и сползает на пол. Врач, сидящий слева, у заднего выхода, пытается накрыть меня весом собственного тела. Бью его в грудь ногами, и он с криком отлетает назад, спиной распахивая створки дверей.

– Держись!.. – слышу свой испуганный голос. Тянусь к нему. Но парень вываливается из ГАЗЕЛи, размахивая руками. Вижу его бледное, искаженное страхом лицо. И потом, спустя всего лишь миг, жесткие колеса преследующего нас УАЗа, подминают его под себя, стирая в темно-красное месиво.

– Мать твою, что за херня?! – водитель бьет по тормозам и нас бросает вперед, к спинкам передних кресел. Второй врач, боясь за собственную жизнь, пытается заползти под кушетку. Хватаю автомат свободной рукой и направляю на летящих в нас преследователей. Тень в кабине успевает нырнуть под руль.

Нажимаю на курок.

Треск грубым толчком врывается в пространство, расшатывая мою руку. Выворачивает кисть. Дуло взрывается ярким пламенем и огненные пули, жужжа, точно осы, летят во все стороны, дырявя и кабину УАЗа, и крышу медицинской ГАЗЕЛи... Ударяют в асфальт, выбивая яркие брызги...

– Блядь!

Оскалившийся радиатором УАЗ влетает в распахнутые двери, вырывая их из металла, точно добычу из норы. Зад «скорой» сминается, будто пластилин в руках малыша, и

машины, сцепившись металлическими когтями, разворачиваются поперек дороги. Тужатся оконные стекла, прогибая свои хрупкие спины внутрь салона. Трескаются, и, с громким хлопком, вылетают из железных рам острым блестящим дождем. Прикрываю глаза рукой, чувствую, как шершавый язык облизывает лицо, раздирая его до крови. Стараюсь подняться...

– Черт...

Правая рука стонет от тяжести висящего на ней тела. Наручник скалится стальными зубами. Опасливо оглядываясь, принимаюсь обшаривать карманы мальчугана. Вытаскиваю связку ключей, увешанную брелоками из мультфильмов, и скидываю с запястья проклятый браслет. Разминаю затекшую кисть.

Все замирает в серой тишине. И только причитания медбрата, все еще несутся откуда-то с пола. Поднимаю вылетевший из руки автомат. С трудом перебираюсь в кабину. Водитель лежит на руле, без сознания. Голова его разбита, вижу кровь, красными щупальцами охватившую лицо.

Это не мое дело.

Выбираюсь на дорогу. Вешаю автомат на плечо. Осматриваюсь. Впереди, в двух десятках метров, прогнув бетонное тело над темной рекой, лежит мост. Фонари по его обочинам, связанные друг с другом пуповиной проводов, все еще горят. Попеременно и тускло, сливаясь с белесым речным дыханием. Ни одной машины. Дома, вокруг меня, безлики

и мертвы, их темные окна походят на глубокие, бездонные колодца. Кажется, они никогда не знали радости света. Не чувствовали людского тепла.

Над покореженными машинами, сцепившимися, как псы в бою, клубится пар. Взрыва не будет. Из-под УАЗа, черной лужицей вытекает масло. Смотрю на покосившиеся дверцы. Жду скрипа петель, но они молчат. И я поворачиваюсь, чтобы уйти.

Ты оставишь их там?

Им помогут. Стая никогда не бросает своих в беде...

“А как же ты, Антон?” – Голос из бездны. Он до сих пор говорит со мной. И я отвечаю.

Я всегда был один.

“Тогда беги. Только так ты спасешься.”

Молчу. Перешагиваю обледенелую оградку, охраняющую мертвый газон. Пересекаю его шагами-пунктирами. Подныриваю под шлагбаум и растворяюсь в темных арках многочисленных домов.

Иду. Сквозь одинаковые дворы с вечно пустыми детскими площадками. Сквозь голые аллеи с дрожащими от холода деревьями. Мимо шелеста голодных голубей. В тисках домов-близнецов, под узкой полоской неба. Когда-то давно этот мир был другим. Я помню это. Я не забыл. Тепло маминых ладоней. Мой смех. Высокие сосны, шумящие за окном в бескрайнем синем небе. Золотистая пыль, переливающаяся в вечности солнечных лучей. Калейдоскоп красок. И же-

ланий.

«Мой мальчик»

Так близко. Ее давно ушедший голос. Зерна памяти в земле прошлого. Они не дадут всходов. Почва давно очерствела и стала бесплодной.

«Сынок»

Голос отца. Слезы в моих глазах. Детские пальцы, тянущиеся к его, несуществующей руке... Фотография в рамке... Рваные кадры чего-то большего, так и не ставшие полноценным фильмом.

Останавливаюсь в одной из вонючих арок. Закрываю глаза и долго стою, вслушиваясь в собственное тяжелое дыхание. Тело зудит от пота и грязи, чешутся раны, а чертов холод пробирает до костей... Но я не двигаюсь с места. Я все тянусь и тянусь к его огромной, сильной ладони. И когда хватаюсь за нее, из темноты выныривает бледное лицо, оскалившееся зубами-иглами...

Колени подгибаются...

...Вздрагиваю. Страшный сон... Мне необходимо выспаться. Протираю глаза трясущимися пальцами. Руки пахнут костром.

Лера.

Горечь вспыхивает в груди, но я не позволяю ее пожару вырваться наружу. Заставляю себя двигаться вперед.

Ее голос.

«Я видела его, Антон»

Нет! Я не должен слушать. Именно так сходят с ума.

«Я видела того, кто утащил меня в бездну»

По спине ползет озноб. Темень арки шевелится, будто в ней копошатся тысячи насекомых.

«Я знаю, кто он»

Горло обматывает сухой страх. Он сползает в желудок, пробирается к ногам, вытягивая из мышц каждую жилу. Сердце рвется из горла красным куском так, что отдается стуком в висках. Стараюсь ускорить шаг, ботинки скользят. Под подошвами хрустят сотни раздавленных жуков. Стены, превратившиеся в стрекочущие массы, надвигаются на меня, желая прикоснуться, поглотить, вобрать в себя...

– Господи...

Рвусь к спасительному свету, рваный овал которого, словно хихикающий малыш, убегает от меня прямо под колеса тяжеловоза.

«Я видела его. Я видела его. Я видела...»

Голоса со всех сторон. Лера.

«Ты знаешь, кто он...»

Вырываюсь из тьмы.

– Антон!

Эхо ее голоса ударяет мне в спину. Оборачиваюсь на жуткий запах горелой плоти. И вижу...

– Нет... – отшатываюсь в сторону. – Нет, Боже... пожалуйста...

Темный, безликий силуэт стоит у самой границы света.

– Антон... – Зовет меня.

– Прошу тебя... Ты умерла... Лера... прости меня... – из глаз моих текут слезы. – Я оставил тебя там... Прости...

– Это не так, Антон... Я докажу тебе...

Черная, скрюченная рука тянется к тусклым солнечным лучам...

– Нет!..

...и вспыхивает ярким пламенем. Огонь обвивает обугленную плоть, скользит по ней, будто шелковая ткань.

– Совсем не больно, – она рассматривает полыхающую ладонь. – Я горю, Антон. Почему я вся горю?..

Пламя взбирается по плечу, впивается в грудь, в лицо, смыкается на шее. Ноги мои дрожат, больше не держат меня, и я оседаю на колени, не чувствуя их разбитой боли. Только глаза – глубокие выжженные дыры, засыпанные солью. Только они...

– Ты горишь от любви, Лера...

– Правда?

Она медленно превращается в пепел. Его черно-белые листья летят ко мне, касаются щек, ложатся на плечи, падают на асфальт. И на секунду, на некий миг, не подвластный времени, она обнимает меня, крепко прижимая к своему, почти невесомому телу. Теплые губы касаются уха.

– Любимый...

И я улыбаюсь. Пытаюсь прижать ее к себе, но руки смыкают пустоту. Сжимаю в безысходности кулаки и, в удивле-

нии, обнаруживаю в ладонях мягкую золу. Разжимаю пальцы. Черную сажу тут же подхватывает ветер, и она, легкими змейками струясь по линиям судьбы, исчезает навсегда.

В правой ладони лежит ключ – серая сталь, погрызенная клыками замочной скважины. Разглядывая странный подарок из сумрака, не замечаю, что сижу в черном круге, начерченным пеплом. И когда поднимаюсь, лишь тогда...

– Что?..

Гляжу в недоумении себе под ноги. Отступаю за пределы круга. И только теперь различаю жирную букву «В», заключенную внутрь кольца.

Вдалеке слышится вой сирен. Поднимаю голову. Стая проснулась. Услышала стоны покалеченных собратьев и теперь спешит им на выручку, когтями выбивая из земли мерзлые комья грязи. Мне нужно уходить, но я не знаю куда... То, что я видел здесь... было ли это сном?..

Под ногами только блестящий инеем асфальт. Никаких знаков.

– Ключ...

Он все еще в моей руке. Что он готов показать мне? Какие из дверей – открыть?

Снимаю с плеча автомат и забрасываю на козырек подьезда.

“Ты не отступишься.”

Шепот из бездны.

– Нет...

“Тогда готовься шагнуть во мрак.”

Веки слипаются. Серая округа раскручивается, словно пустая карусель. Сирены становятся ближе. Не воют больше. Жалобно скулят по погибшим друзьям. Ухожу не оглядываясь. Оставленное здесь оружие собьет мой след. Подарит еще несколько минут форы. Город проснется. И я сумею затеряться в толпе.

Иду все быстрее... Бегу. Морозный воздух проникает в легкие, рвет горло. Прошел всего лишь день, а мне кажется, что я бегу уже целую жизнь. Усталость болтается за спиной тяжелым рюкзаком. Пригибает к земле.

Город оживает. Встречаю румяных детей, спешащих в школу. Их бледных родителей, с опухшими ото сна лицами. Дворников, с метлами наперевес. По дорогам скользят первые автомобили. Как конфетки-ассорти, высыпанные из железных баночек-гаражей, они катятся по улочкам в самые дальние уголки города. Подмигивают друг другу красными огнями, улыбаются, сигналият. Ловлю одну из них взмахом руки и протискиваюсь на заднее сидение. Водитель не оборачивается. Его глаза глядят на меня с узкой полоски зеркала. Переключает ручку скоростей.

– Куда?

– В морг.

Усмехается:

– Повезло тебе. Еду в ту сторону.

– Спасибо.

За тонировкой окон шумит вокзал. Зеленое здание с вечно распахнутыми дверями. Электронное табло над его крышей показывает – 7-39. В машине пахнет дешевым лосьоном и сгоревшей пылью. Гудит печка – ее теплое дыхание заполняет салон, проступая на стеклах мутной испариной. Откинувшись на спинку, стараюсь вздремнуть. Но вместо этого проваливаюсь в черную бездну. И те минуты, пока я сплю, мне снятся щупальца. А потом, одно из них грубо хватая меня за плечо и выбрасывает из кошмарных вод на сырой и холодный берег.

– Прибыли, – голос водителя. Его сильная пятерня сжимает мое плечо. Трясет. В недоумении гляжу по сторонам.

– Проснулся? – он отпускает меня и возвращается к зеркальцу. Вижу его тонкие, сухие губы, растянувшиеся в улыбке. И черную щетку усов. Протираю лицо грязными ладонями.

– Господи... простите...

– Да ничего, бывает.

Думаю о том, что у него нет лица. Отдельная нарезка. Куски. Нащупываю дверную ручку.

– Спасибо...

Вылезаю из тесной машины. По затекшим ногам, колючим жаром разливается кровь. Чуть поодаль, на другой стороне дороги, стоит корпус медицинского училища. Красное обветшалое здание в два этажа, затесавшееся в линию панельных высоток.

Вывески «МОРГ» здесь никогда не было.

Перебегаю пустынную улочку. За долгие годы службы, я лишь раз поднимался по ступеням, к парадным дверям. Тела хранятся не здесь. Внизу. В холодных катакомбах подвала, железная дверь которого прячется внутри бесцветного двора.

Огибаю облезлый дом. У входа в страшное подземелье никого нет. Только погнутое алюминиевое ведро, наполненное пустыми бутылками из-под пива. И горы обсосанных до фильтров бычков.

Застываю в нерешительности.

Они не будут искать меня здесь. Я уверен. Оборвав след у вокзала, я намеренно натолкнул их на мысли о поездах.

Тогда почему я не могу войти? Чего боюсь?

Правда приходит из глубины.

Ты боишься ее. Оксану.

Да. Это так. Теперь, зная, что она видела, через что прошла, я не смогу дотронуться до ее рук. Я боюсь, что она распахнет глаза и оскалится тонкими зубами-иглами, а холодные пальцы вцепятся в мое запястье, оставляя темные полосы синяков. И я не сумею даже закричать. Вот, чего я боюсь на самом деле. Но сейчас этот дикий страх не имеет значения. Обратного пути нет.

Отворяю тяжелую дверь так широко, как позволяет ограничитель. Серое утро вливается внутрь, стекая по пыльным бетонным ступеням мутной жижей. Она перемешивается с

желтой мочой одинокой лампочки, превращаясь в смрадное болото. Из подвала веет холодом – не живым, который царит на улице. Искусственным. Мертвым.

Ступаю на лестницу, придерживаясь стены.

– Господи Боже... – шепот въедается в сырое пространство. – Помоги мне найти ее.

Отпускаю дверь. И, собравшись с силами, спускаюсь в белые коридоры морга. В пустоту и тишь страшного подвала. Иду по растрескавшейся от времени плитке, в объятиях криво побеленных стен. Вперед, к дверному проему, за которым кроется безнадега и тьма. И уже сейчас вижу края столов, накрытых простынями.

На полу, у самого порога, блестят капли чего-то красного.

Вхожу в укрытую мраком секционную, гудящую холодильными агрегатами. Ее размеры всегда поражали мое воображение. Вот и сейчас я не могу различить границ, только множество столов с телами, друг за другом, как барханы в снежной пустыне. Некоторые из них испачканы бурым – вижу это в свете далекой лампы, мерцающей под потолком.

Почему здесь никого нет? Ни одной живой души?

Облизываю иссохшие губы. Звать кого-то в таком месте мне не хочется.

Как я сумею отыскать ее в этом аду?.. Снимать каждый саван, вглядываясь в мертвые лица? Нет... но если не так, то, что тогда?

– Куда они отвезли тебя, Оксана?

Я знаю, что за стеной, есть еще один коридор, ведущий в небольшое помещение, увешанное хирургическими ножами. Именно там патологоанатомы проводят вскрытия. Возможно, стоит начать оттуда.

Осторожно, стараясь не задеть тела, пробираюсь между столами. К свету, что холодными каплями падает с потолка, собираюсь в бледную лужу под ногами.

“Что ты ищешь здесь, Антон? Зачем ходишь по кругу?”

Ответы принадлежат только мне. Я знаю, зачем пришел.

Сворачиваю в белый коридор, пропитанный химической вонью. Разбитая плитка хрустит под подошвами. Странно, зная, что этот звук принадлежит мне, я не могу поверить. Мне кажется, что где-то рядом, некто страшный и злой, рвет мертвецам зубы. Так, что ломаются корни, выворачивая мякоть десен, и бордовая кровь наполняет раскрытые рты, сбегая по подбородку...

Оборачиваюсь!.. Никого. Я не должен поддаваться панике.

Вход в прозектуру завешан лентами полиэтилена. Внутри горит свет. Сквозь муть пленки различаю очертания стола с обнаженным телом на нем.

Это она.

Страх горькой слюной скапливается под языком. Ползет ознобом по шее.

“Уходи. Пока еще можешь. Ты же видишь – здесь что-то не так”

У меня нет выбора. Убираю прозрачный занавес в сторону.

На столе никого нет.

– Что за?..

Я видел ее! Только что. Собственными глазами...

“Ты уверен, что это была она?” – Голос синего костюма выползает из глубины. – “Уверен в том, что видел?”

Но если это была не она... то кто?

Смотрю, как с острых краев разделочного стола капает кровь. Переступаю порог, стараясь держаться стены. Комната не открывается мне, прячется за переполненными стеллажами. Вижу только ржавую раковину в дальнем углу и кучу черных мешков под нею. Из крана, извивающимся ручейком, бежит вода.

Никого из живых.

Задеваю плечом висящую на стене электрическую пилу. Она скрипит, Раскачиваясь на шнуре. Замечаю, что вилка подключена к сети.

У анатомического стола, на подставке, лежат кривые реберные ножницы, измазанные кровью. На лезвиях – куски сырой плоти.

Подхожу ближе.

На столе что-то есть! Наклоняюсь, пытаюсь разглядеть.

Коробка компьютерного диска. И несколько букв, выведенных на крышке.

М... Д...Е...ИК.

Отшатываюсь к стене, спиной ударяясь о кафель.

Господи!

Рука ныряет под пальто, но вместо пистолета хватает пустоту. Оружия у меня больше нет. В испуге гляжу по сторонам. Эта тварь здесь! Не знаю как, и не знаю зачем, но убийца снова пришел в то же место, что и я. Как будто знал, словно следил за мной.

Тянусь к диску. Пальцы погружаются в свернувшуюся кровь. Достая, обтираю об рукав... И, в это время, замечаю в стеллаже единственный просвет. Щель, за которой кто-то стоит.

Не спуская глаз с белой фигуры, снимаю со стены медицинскую пилу. Прорезиненная рукоять вливается в ладонь. Длинный провод кольцами сползает на пол.

Теперь мой черёд играть не по правилам.

Бесшумно прижимаюсь к полкам. Шнур пилы повисает в воздухе. Его длины как раз хватит, чтобы обогнуть угол стеллажа и нанести удар.

Когда-то давно, мы верили, что мир можно изменить иначе. Что темнота, это удел убийц. Теперь все те думы кажутся сном.

Кладу палец на красную кнопку. И выхожу из укрытия. Взвизгивает резочное полотно, но тут же утихает.

Манекен в белом халате улыбается мне пластмассовыми зубами. Тянет руку для приветствия. Голубые глаза, подведенные тушью, глядят в стену.

– Чтоб тебя...

Кладу пилу на полку стеллажа. За тонкой спиной манекена, прячется заваленный бумагами стол. Он жметя к стене – деревянный изгой в мире стальных подонков. Его кривые ножки, под тяжестью взваленной ноши, грозятся разъехаться в стороны, разметав по полу листы, с именами ушедших. Белые прямоугольники, испещренные морщинами строк.

На столе горит лампа. Щелкаю выключателем. Сквозь вонь химикатов пробивается запах человеческого пота. Среди мертвых ароматов спутать его с чем-то не представляется возможным. Здесь кто-то был, еще совсем недавно. Работал – засаленный табурет отодвинут к стене. Писал – ручка, с обгрызенным колпачком, лежит у одной из бумажных кип.

Откуда столько смертей?

Просматриваю несколько отчетов о вскрытии. Каждый похож на предыдущий, словно близнец, испачканный родовой слизью. И только имена не имеют сходства. Черные буквы, наполняющие смерть жутким многообразием.

Заглядываю под стол. В пластиковом ведре – окровавленные комки резиновых перчаток и то, что я искал. Смятый листок бумаги. Рассказ о том, что привело молодую девушку на разделочный стол.

Выуживаю его двумя пальцами. Бережно разглаживаю ладонью, смазывая чернила. Читаю.

Ее тело вскрывали. Поле внутреннего исследования, заполненное до краев, пестрит научными терминами. Вспомни-

наю пыточный столб, почерневший от крови. Жуткие, ржавые крюки, вбитые в него сильной рукой. Убогую клетку, изготовленную в спешке. Страшную цепь. И ее лицо. Там, у раскрошившегося от времени плитуса. Темная яма рта, под бледными скулами. И зеленые глаза, с красными трещинами лопнувших капилляров.

Там, где она искала любовь, жила только смерть.

В обстоятельствах дела, в самом верху листка, предположение о том, что жертва пыталась сбежать. Объяснение тому, почему убийца применил к ней такую физическую силу. Ее смерть не доставила ему удовольствия. Она была быстрой.

– Так значит, ты могла спастись...

Почему я не подумал об этом сам, после того, как побывал в подвале?! Почему не смог понять? Все произошло внезапно – он недоглядел, и она побежала, голыми ногами по деревянной лестнице – прочь из подвала к спасительному свету. Он ринулся за ней, но не для того, чтобы убить, а чтобы вернуть обратно в клетку. Зачем же тогда убил? Понял, что девушка не успокоится и постарается сбежать снова? Или перестал себя контролировать, когда коснулся ее тощих предплечий своими сильными, посиневшими пальцами?

Пробегаю глазами по описаниям ран.

Вижу, как он бьет ее, а кровь, искрящимся бисером разлетается в стороны. Слышу, как она кричит, пытаюсь защититься, но падает и ударяется затылком, теряя сознание. Боже...

Она лежала без сознания, у стены, а он в это время цепью ломал ей колени. И понимал, что не сумеет остановиться.

И, какой бы быстрой ни была Оксанина смерть, он успел наполнить ее болью.

«Потеря крови, вызванная травматическим шоком»

Перечитываю диагноз несколько раз.

Умерла от боли.

Кладу отчет на крышку стола.

Почему они так доверяли ему? Почему шли за ним?

Перед глазами плывут образы грязного рва, заполненного чавкающим месивом. Сколько тел похоронило под собой обрушившееся подземелье? Вижу бледные пальцы, с налипшей грязью. Черноту, забившуюся под синие ногти... Их было много. Слишком много для простой случайности. Следуя за ним, девушки не должны были видеть его лица.

Вспоминаю тела, болтающиеся на крюках. Блеск обнаженной плоти...

За стеллажом что-то щелкает и падает на пол. Резко оборачиваюсь и вижу, что шнур пилы больше не провисает в воздухе. Лежит кривой линией на кафеле.

Замираю. Слышу, как шелестят полиэтиленовые занавески. Кто-то проходит сквозь них, удаляясь в коридор – улавливаю еле различимые шаги босых ног. Рассматриваю проектуру через щель, стараясь унять испуганное сердце. Но вижу только анатомический стол, залитый кровью.

Во что верил я, борясь с собственными демонами? В спра-

ведливость закона? В свет, разгоняющий тьму? В людей, в чудовищ? Та девочка, что умерла под колесами моей машины, во что верила она? И почему в этой темноте, я до сих пор не увидел проблеска ее широких глаз?

Осторожно выхожу из-за стеллажа, держась холодной стены. Замечаю огрызок провода, торчащий из розетки, его разноцветные жилы, разорванные чьей-то сильной рукой. Не чувствую присутствия человека – ощущаю запах чего-то неживого. Сжимая мокрые от пота кулаки, подбираюсь выходу. Отодвигаю угол пленки, стараясь рассмотреть коридор, но он открывает мне лишь свою часть, залитую электрическим светом. Пусто.

Всего шаг. От страха к правде. И я делаю его. Но застываю, зажатый тисками белых стен. Не верю.

В коридоре кто-то стоит. Человеческая фигура, скрытая саваном простыни.

По горлу моему сползает озноб. Сухой и острый, он мешает дыханию, режет гортань. И боль эта заставляет дрожать мои руки.

– Кто ты? – слышу свой шепот. Но фигура молчит.

– Я найду его, слышишь?!

Я уверен, это она! Оксана! И поэтому, повторяю снова:

– Я найду его...

В желудок вползает боль, крюками, на концах щупалец, она принимается рвать мои внутренности. Но я не боюсь больше. Иду. По хрустящей плитке. К ней. Грязные пальцы

тянутся к простыне, и, медленно, стягивают с тела...

Это не она! Господи!..

Отшатываюсь назад, и тут же, с громким хлопком, взрываются лампы, осыпая гаснущий коридор бледными искрами. Заплетаюсь в собственных ногах, падаю. И слышу дикий визг чудовища, которого только что видел.

Дышу. Отползаю обратно, за полиэтиленовый занавес, стараясь спрятаться за стеной, но мокрый пол скользит подо мной, руки разъезжаются в стороны, и я понимаю, что весь вымазался кровью.

Господи! Что здесь творится?!

Когда простынка соскользнула, я увидел под ней уродливого старика, с клочками редких, седых волос на пораженной пигментацией голове. Его рот – яма, полная острых окровавленных зубов, – раскрылся...

Тварь смотрела на меня. Мутным туманом глаз. Она видела.

Поскальзываюсь, пытаюсь подняться. Ударяюсь о разделочный стол, заставляя греметь каленую сталь. Перед глазами мелькает залитый кровью потолок и белые полосы мерцающих ламп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.